

А. Х. Таммсааре

**Новый Ванапаган
из Чёртовой Дыры**

А. Х. Таммсааре

**Новый Ванапаган
из Чёртовой Дыры**

«Издательские решения»

А. Х. Таммсааре

Новый Ванапаган из Чёртовой Дыры / А. Х. Таммсааре —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-519114-4

«Новый Ванапаган из Чёртовой Дыры» («Põrgurõhja uus Vanapagan») — одно из последних крупных произведений писателя. Религиозно-мистическая тема романа имеет множество подстрочных смыслов, а юмор и живое повествование придаёт неповторимый колорит произведению. Новый перевод серьёзным образом отличается от предыдущих, изданных ещё в советский период, и является, по мнению эстонских филологов, более точной версией оригинального авторского текста.

ISBN 978-5-00-519114-4

© А. Х. Таммсааре
© Издательские решения

Содержание

Прелюдия	6
I	10
II	21
III	28
IV	35
V	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Новый Ванапаган из Чёртовой Дыры

А. Х. Таммсааре

Переводчик Алексей Борисович Намзин

Редактор Алексей Иванович Фёдоров

© А. Х. Таммсааре, 2020

© Алексей Борисович Намзин, перевод, 2020

ISBN 978-5-0051-9114-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Прелюдия

В небесной канцелярии был обычный ежегодный день сортировки душ: подытоживали, сколько душ попадёт в рай, сколько отправится в ад. Ванапаган уже с раннего утра ожидал за дверью, чтобы быть готовым войти, как только явится ангел-посыльный. Но ждать ему пришлось сегодня долго – ангел всё не приходил и не приходил. Уже давно минул полдень, когда Ванапаган, наконец, собрался с духом, шагнул к двери и постучал – вначале тихонько, затем громче и, когда никто не пришёл открывать, начал колотить изо всех сил, так что загрохотало всё поднебесье, словно грянул гром среди ясного неба. Теперь только явился Пётр, приоткрыл дверной глазок и, увидев Ванапагана, спросил официально, словно имел дело с посторонним:

«Чего изволите?»

Этот вопрос ещё больше возбудил и без того разозлённого ожиданием Ванапагана, а потому он резко ответил:

«Привратники-то барские важнее самих господ будут. С каких это пор ты меня больше не узнаёшь?»

«С сегодняшнего дня», – спокойно и с прежним безразличием ответил Пётр, и хотел закрыть глазок. Но Ванапаган оказался проворнее и воткнул палец в отверстие глазка, задержав заслонку, так что обзор хоть и сузился, но всё же не исчез вовсе.

«Да постой же, постой, Пётр – сегодня день сортировки душ», – проговорил Ванапаган в узкую щель поверх пальца, в которую был виден только правый глаз Петра.

«Нет больше никакого дня сортировки душ», – сказал Пётр. «Отменили его», – добавил он, пояснив.

«Как так отменили?» – изумлённо воскликнул Ванапаган. «У меня же договор».

«Он больше недействителен», – сказал Пётр.

«Как так больше недействителен?!» – приходя в ещё большее изумление, воскликнул Ванапаган, начиная уже волноваться: «Он же подписан обеими сторонами, а в одиночку ведь такой договор изменить нельзя».

«И всё же договор недействителен», – подтвердил Пётр. «Дня сортировки душ нет, ведомости нет, душ нет».

«Не говори чепухи, Пётр», – уже примирительно сказал Ванапаган. Но Пётр ответил ему холодно и отчуждённо:

«Прошу оставить свои фамильярности, мы больше не знакомы».

«Тьфу ты чёрт!» – возопил теперь Ванапаган, ибо он начал выходить из себя. «Я знаю тебя, а ты знаешь меня уже с тех пор, когда ты отрёкся от своего Господа¹ – как же мы не знакомы. Очень даже!»

«Нет», – твердил Пётр. «Таков приказ, и знать ничего не знаю. Пожалуйста, выньте пальцы из глазка, чтобы я мог его закрыть».

Из этих слов и по тону Петра Ванапаган, наконец, сообразил, что на небесах и впрямь подули новые ветра, и он сокрушённо молвил про себя: «Что же мне делать с преисподней и моими ребятами, коли душ я больше не получу! На кой мне этот ад с его копотью и вонью?»

«Уважаемый, уберите свои пальчики из глазка по-хорошему», – прервал Пётр размышления Ванапагана, – «иначе я буду вынужден использовать иные средства».

«Пётр, друг сердечный...», – умоляя, начал Ванапаган.

«Мы больше Вам не друг», – прервал Пётр.

«Но ведь были когда-то», – ответил Ванапаган, – «и именем этой былой дружбы я прошу тебя, приоткрой на минутку дверь ипусти меня, чтобы я мог толком послушать, в чём дело».

---

¹ «Пётр опять отрёкся; и тотчас запел петух». [Евангелие от Иоанна 18: 26—27] (Здесь и далее примечания переводчика).

«Мне не разрешено Вас больше впускать», – сказал Пётр теперь немного приветливее.

«Но, может, ты сам сможешь выйти на чуток, чтобы перекинуться парой разумных слов, как в прежние благодатные времена?» – спросил Ванапаган. «Пойми же, разлюбезный старый друг, не осмелюсь я так-то домой идти. Ибо что я скажу старухе и ребятам, коли приду с пустыми руками».

Пётр слегка призадумался, а затем сказал:

«Ладно, я выйду, но прежде вынь пальцы из глазка».

«Вправду выйдешь?» – испытующе спросил Ванапаган.

«Выйду», – коротко и решительно ответил Пётр.

Ванапаган вытащил свои пальцы из заслонки глазка, и та захлопнулась. Но прошло так много времени, прежде чем появился Пётр, так ужасно много, что Ванапаган уже подумывал снова начать громыхать кулаком в небесную дверь, ибо усомнился в обещании Петра.

«Как всё сегодня на небе ужасно тянется», – заохал Ванапаган, когда, наконец, явился Пётр.

«Я хотел прихватить с собой бумагу, подождал её, но всё-таки не получил», – пояснил Пётр, уселся на верхней ступеньке небесной лестницы и предложил Ванапагану тоже присесть рядом.

«О какой бумаге ты толкуешь, коли душ не получить?» – спросил Ванапаган.

«Это та бумага, где письменно извещают о новом порядке и условиях получения душ».

«А, тогда всё же можно их получить?!» – обрадовался Ванапаган.

«Ну, разумеется, ибо договор остаётся в силе, только вот...»

«Чего же ещё, коли договор остаётся в силе?» – нетерпеливо воскликнул Ванапаган. «Остаётся в силе, но его не исполняют, а?!»

«Исполнят, но лишь при одном условии: ты должен человеком сойти на землю и...»

«...и родиться от женщины, да?»²

«Такого условия нет», – деловито сказал Пётр. «Можешь родиться от женщины или всё равно от кого, а можешь и в таком же виде, как туда до сих пор захаживал».

«Ничего не понимаю», – изрёк Ванапаган. «Что за новое условие такое, что я должен сойти на землю, коли я и по сей день туда захаживал».

«До сих пор ты захаживал как Ванапаган, а теперь должен сойти человеком, пойми ты, да прислушайся ты как следует – че-ло-ве-ком, смер-тным че-ло-ве-ком».

«А умереть я тоже должен?»

«Умереть тоже должен».

«Нет, этого я не сделаю».

«Ладно», – спокойно произнёс Пётр, – «поступай, как знаешь, никто тебя не будет принуждать».

«А что же станет с душами?» – спросил Ванапаган.

«Душ больше не получишь, если не сойдёшь на землю человеком».

«А коли сойду?»

«Тогда, может быть, и получишь», – ответил Пётр.

«Что это за „может быть“ там ещё?»

«Это „может быть“ и есть то самое главное», – пояснил Пётр. «Если проживёшь на земле так, что обретёшь спасение, то будет у тебя право получать души на веки вечные. А если ты, умирая человеком, отправишься в ад, то потеряешь право получать души на веки вечные. Более того: у тебя потребуют назад даже полученные раньше души, так что ад полностью опустеет от душ человеческих».

---

² «Итак Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил». [Кн. пророка Исаии 7:14]

«Тогда уж было бы вернее и последовательнее, если бы Царствие Небесное и ад весь себе прибрало», – рассудил Ванапаган.

«До поры до времени мы этого не сделаем», – сказал Пётр.

«Ах, только до поры до времени», – усмехнулся про себя Ванапаган. Но, немного подумав, он по-приятельски обратился к Петру, спросив:

«Это всё очень интересно, что ты говоришь, но в деле должна быть всё-таки какая-то суть, какой-то особый умысел – ни с того ни с сего и на земле своего хорошего друга не обдирают как липку, а на небесах-то и подавно. Почему затеяли разорить мой дом? Зачем отстраняете ад от мировой экономики? Я, по-моему, никакого повода для этого не давал».

«Причины кроются глубже», – промолвил Пётр.

«Ты хочешь сказать – выше».

«Хоть бы и так».

«А ты не мог бы объяснить подробнее?»

«Это тайна», – ответил Пётр.

«Боже мой!» – воскликнул Ванапаган. «Я до сего дня не растрепал ещё ни одной небесной тайны, не сделаю этого и теперь. Хотя никто больше и не держит своего слова, Ванапаган его, однако, держит, ибо такова его натура. Поэтому, о Пётр, почему Господь желает сделать меня человеком и послать на землю?»

«Господь начал сомневаться в людях – поэтому», – ответил Пётр.

«Но человек ведь создан самим Господом».

«Так-то он так, но...»

«Но ведь тогда Господь начал сомневаться в творении рук своих и в себе самом».

«Хоть бы и так. На небе, собственно, начали сомневаться, создан ли человек вообще так, чтобы он мог обрести спасение. А если он не может, по какому тогда праву после смерти его отправляют в ад?»

«Значит, всех разбойников и убийц отправлять в рай, не так ли?» – спросил Ванапаган.

«Да нет, но...»

«Третьего ведь не дано», – перебил Ванапаган, – «человек отправляется либо в рай, либо в ад».

«На небе пришли к третьей мысли».

«Какой?» – обеспокоенно спросил Ванапаган.

«Что если человек, быть может, действительно создан так, что он вообще не может обрести спасение – это значит, что сотворение человека не удалось, и тогда следует забрать его обратно».

«Что следует забрать обратно?» – непонимающе спросил Ванапаган.

«Человека».

«Что это значит?»

«Это значит то, что род людской, каков он есть, попустят уничтожить, и соберут вместе души человеческие из рая и ада, и отправят их обратно туда, откуда они вышли».

«Ты шутишь, а?» – спросил Ванапаган. Но Пётр ответил с прежней серьёзностью:

«На небе шуточками не бросаются».

«Тогда это означало бы конец всем былым начинаниям, усилиям и достижениям», – сказал, немного подумав, Ванапаган.

«Так и означало бы», – спокойно подтвердил Пётр и добавил: «Потому и было бы так важно, если бы ты пришёл на землю человеком, чтобы поставить эксперимент, действительно ли невозможно обрести спасение. Иными словами: в облике человека ты должен доказать, что не Господу его творение не удалось, а люди сами поганят свою жизнь, и что тогда справедливо и оправданно, если души их отправляются в ад».

«А ты полагаешь, что новых условий для получения душ не поставят?» – дотошно выпытывал Ванапаган.

«Этого не бойся».

«Тогда я сойду на землю человеком», – решил Ванапаган.

«Это отрадно для меня и для всего рая», – облегчённо вздохнул Пётр, и хотел было встать, но Ванапаган положил свою руку на его колено и попросил:

«Ещё один момент. Маленький практический вопрос: могу ли я прихватить с собой на землю и свою бабу?»

«Если она не будет там тебе обузой», – засомневался Пётр.

«Я не думаю. А коли это будет так, то я живо отправлю её обратно в ад».

«Тогда ладно, думаю, на это дадут согласие».

«Ещё кое-что: как ты считаешь, кем бы мне стать на земле – крестьянином, купцом, промышленником, рабочим, дипломатом, учёным, писателем, художником или священником? Кому сегодня легче всего обрести спасение?»

«Сложно сказать, очень сложно», – задумчиво произнёс Пётр. «Я был в своё время рыбаком, но ты и сам знаешь, как обстояли мои дела. Земледелие – вещь хорошая, но если начнутся войны, что опустошат поля, сожгут дома и уничтожат скот, поубивают твоих жён-детей, то ты непременно попадёшь в рай, ибо не будет тебе ни от кого милости и пощады, кроме как от Бога. Если же не случится войны, и ты начнёшь всё богатеть на разных государственных субсидиях, то ты захочешь жить, как какой-нибудь промышленник или купец, которые наживаются на высоких пошлинах во имя отечества. И тогда мало надежды, что ты помыслишь о спасении своей души, хотя будешь ходить в церковь и причащаться, как требует хороший тон, и будешь платить церковные налоги без нажима полиции. Рабочим стать не советую, ибо племя это в нынешнее время из-за своей многочисленности слишком заносчивое, чтобы ему хотелось попасть в рай. Делами в мире вершат биржевые маклеры и фабриканты-оружейники, но если тебе хотелось бы только языком молотить, то дипломатическая служба была бы очень подходящей. Со сферами умственного труда нынче гиблое дело. Когда-то дух влиял на власть, теперь же происходит наоборот. Как бы ты хотел учёным, писателем или художником приблизиться к Богу, когда властью правит мамона³, а тобою правит власть! Остаётся ещё духовное звание. Но ты и сам знаешь, что с давних пор у них на вооружении обряды, молитвы и золочёный крест, но не деяния. Ты же должен поступать наоборот, если хочешь спастись. Но я боюсь, что тебя забросают камнями, если ты поступишь наоборот. Я так считаю».

«А если бы мне захотелось при желании сменить профессию?» – спросил Ванапаган.

«Можешь», – ответил Пётр. «Можешь даже создать для себя новую подходящую профессию, если пожелаешь».

«Тогда ладно», – решительно произнёс Ванапаган. «Начну с земледелия, а там поглядим, что получится».

«Одно лишь помни: ты должен покинуть землю праведником, или не получишь больше ни одной души в ад».

«Помню, раз всё у меня поставлено на карту».

«Не только у тебя, но и у нас в раю», – поправил Пётр и поднялся. «О чём сегодня потолковали здесь изустно, об этом несколько дней спустя изложим письменно, чтобы было всё точно и ясно». Сказал и исчез за райскими воротами.

«Точно и ясно», – повторил Ванапаган, стоя в одиночестве на лестнице. «И чего они все только не выдумают! Ванапаган человеком да на землю! Ох, тяжёлые времена, безвременье!»

---

³ Мамон – у некоторых древних народов – бог богатства.

I

Вдали от людей и дорог, в лесной глуши, стоял одинокий хутор Чёртова Дыра⁴. Судя по всему, опустел он уже давно, потому как старый хозяин умер, а нового не находилось. Но в один прекрасный день случайный прохожий заметил, как из волокового оконца⁵ курится дымок. Так стало понятно, что кто-то там живёт. Но кто был этот кто-то, по правде говоря, никого особо не интересовало. Ну, кому какое дело до нового хозяина Чёртовой Дыры. Прошла уйма времени, прежде чем и местная власть прослышала об этом и потребовала от него самого внести ясность. Но бумаги у нового хозяина оказались исправны: имя Юрка, в христианском браке с Лизете, детей нет.

«Кто разрешил поселиться в Чёртовой Дыре?» – спросили у Юрки.

«Небесная канцелярия», – ответил тот.

«Но это же не их хутор».

«А чей же?» – спросил Юрка.

Из этих двух ответов в отношении Юрки и его жены Лизете пришли к выводу, что они какие-то раскольники, и что «чердаки» у них не в порядке. Стало быть, подходящие жильцы для Чёртовой Дыры, ведь люди с нормальным рассудком ищут общества себе подобных.

«Откуда узнал, что Чёртова Дыра опустела?» – спросили у Юрки.

«Там же не было людей», – прозвучал ответ.

«Да, в других краях они были», – пояснила старуха.

«И понравилось там?»

«Вроде бы так», – ответил Юрка.

«Название Чёртова Дыра тоже нравится?» – ухмыльнулся чиновник.

«Ещё бы», – серьёзно ответил Юрка.

«Ну, раз такое дело, то оставайся в Чёртовой Дыре за хозяина и можешь там забавляться, как Ванапаган со своей старухой – никто туда не придёт и тебе не помешает».

«Как Ванапаган⁶ со своей старухой», – вторил Юрка и разразился таким хохотом, словно лошадиное ржание грохнуло из бочки. Чиновник с изумлением уставился на него, ибо впервые в своей жизни он слышал подобный смех: да и не походил тот на человеческий.

Но, разглядывая Юрку, чиновник вскоре отметил, что едва ли он и видывал-то ранее подобного человека. Ростом хоть чуть выше среднего, зато грудь колесом, словно бочка какая, а не человек. Руки раскорячены по обе стороны от тела. Лицо широкое да приплюснутое, лоб низкий да плоский, почти вдавленный, голова большая и круглая, волос рыж и курчав, сливается по ушам с такою же бородою, растущей по шее чай до самой груди. Вообще, трудно сказать, где у этого человека может заканчиваться борода. И ноги-то, должно быть, покрыты всклокоченной шерстью. Весьма странно было видеть возле этого мужичищи приземистую, щупленькую, слегка сторбленную, чёрную как смоль старуху. И как эти двое сошлись, и как уж они сладили! Да ведь сладили, так как чувствовалось, что это уже не молодожёны.

«Детей у вас нет», – напоследок отметил чиновник. «Деток бы надо, иначе смысла нет ни в хуторе, ни в труде».

«Так ведь пойдут», – молвил Юрка.

«Коли хлеба хватит, то и пойдут», – дополнила Лизете сказанное стариком.

---

⁴ Чёртова Дыра (в эст. оригинале Rõgurõhja). Здесь также в значении «глухомань».

⁵ Волоковое оконце (эст. (toa) unkas) – в старину в курных избах и банях небольшой проём в стене или потолке для выхода дыма; небольшое окно, вырубленное в двух расположенных друг над другом брёвках деревянного сруба на полбревна вверх и вниз. Изнутри закрывается (заволакивается) тесовой задвижкой, выполненной из доски.

⁶ Ванапаган (эст. Vanapagan) – чёрт, нечистый, бес. Дословно переводится как «старый язычник». Персонаж эстонских народных преданий, в котором переплелись черты христианского чёрта, злого духа и великана.

«А до этого не хватало?» – спросил чиновник.

«Значит, не хватало, раз деток нет», – ответила старуха.

«Значит, не хватало», – пророкотал в бороду и Юрка.

«Даст Господь деток, подаст и хлебца», – продолжил чиновник.

«Вроде бы так», – отвечивал Юрка.

Выполнение формальностей заняло некоторое время, но казалось, что у новых хозяев Чёртовой Дыры времени в достатке: они не спешили и не ёрзали на месте, а сидели и терпеливо ждали. Время от времени старуха пыталась завязать со стариком беседу, но тот всякий раз обрывал её на полуслове, говоря:

«Не трезвонь, дело господское».

Старик сидел так тихо, что его одолел крепкий сон, но как только он добрался до того места, откуда храп уже должен был вырваться наружу, то получил от старухи тычок под рёбра вместе с бранью:

«Что же ты, скотина, сразу и храпеть! Не можешь нисколечко вести себя, как крещёные люди».

«Ась?» – спросил Юрка и неестественно вытаращил глаза.

«Не рычи, говорю».

Наконец, всё было окончательно улажено, так что обитатели Чёртовой Дыры могли бы и уходить, но старик вновь опустился на стул, словно бы ему здесь так сильно понравилось, что и уходить-то не хотелось. Старуха некоторое время стояла рядом, затем сказала:

«Ну, может, пойдём, дом-то ждёт».

«Вроде бы так», – произнёс в ответ старик, продолжая по-прежнему спокойно сидеть.

«Эй, да поднимайся же ты, чего ещё удумал», – понукала старуха, но так как старик не трогался с места, схватила его за рукав пиджака и затормошила, приговаривая: «Пора и честь знать, дорожку домой гнать!»

«Вроде бы так», – молвил старик и поднялся со стула.

Вдвоём – муж впереди, жена позади – они потопали к двери на выход. Таким же порядком зашагали и по дороге. Некоторое время никто из них не проронил ни слова, затем старуха начала толковать:

«Что ж, пристанище-то у нас теперь есть, а поросёночка, ягнёночка, тёлочки с курочками-петушками и нет. Вот достать бы сначала поросёночка, чтобы похрюкивал себе в закутке».

Старик молчал и вышагивал к дому. Но когда им навстречу попала незнакомая старушка, Юрка остановил её и сказал:

«Моя старуха поросёнка просит».

«Батюшка желанный, нет у меня, у бедной, ни поросёночка и ничегошеньки», – ответила старушка. «Десять лет назад был у меня последний, да и тот от краснухи помер и боле не поднялся».

«А что, иногда поднимаются?» – спросил Юрка.

«У хозяина поднялся: вечером околел, а утром ел себе из корыта. Всех обуял страх, что никак Судный день⁷ близок – раз уж и животные воскресают из мёртвых⁸, то и людской час недалёко».

«Стало быть, не поднялся твой поросёнок», – промолвил Юрка.

«По сей день не поднялся, батюшка желанный», – ответила старушка.

---

⁷ «А ты что осуждаешь брата твоего? Или и ты, что унижаешь брата твоего? Все мы предстанем на суд Христов». [Послание к Римлянам 14:10]

⁸ «Оживут мертвецы Твои, восстанут мёртвые тела!» [Книга пророка Исаии 26:19]

«Тогда прощай», – сказал Юрка и, отвернувшись, продолжил путь со своей старухой, следующей за ним пятам, в то время как старушка провожала их взглядом.

Следующим встречным был старичок, которому Юрка повторил то же:

«Моя старуха поросёнка просит, так что...»

Деревенский несколько мгновений вопросительно разглядывал Юрку, словно бы не совсем понимая смысл этих слов, а затем спросил:

«Поросёнка хочешь купить, что ли?»

«Вроде бы так», – ответил Юрка.

«Издалека будете?» – осведомился незнакомец.

«Издалека... со старухой».

«Вы что, хозяйева?»

«Вроде бы так».

«Своей свиноматки нет?»

«Пожалуй, нет».

«Большой хутор-то?»

«Вроде бы так».

«Как называется?»

«Чёртова Дыра».

«Так, значит, это ты новый хозяин Чёртовой Дыры?»

«Вроде бы так».

«И поросёнка ищешь?»

«По правде говоря, да».

«А корова есть уже?»

«Нет».

«А лошадь?»

«Тоже нет».

«Овечка?»

«Нет овечки».

«Что же ты станешь с этим поросёнком делать, если ничего у тебя нет. Откуда ему корма достанешь? Прежде корова, потом поросёнок – прежде курица заквохчёт, потом и петушок споёт».

Поучив так уму-разуму, незнакомец попрощался и пошёл своей дорогой. Юрка смотрел ему вслед, будто ждал, что тот обернётся, и, наконец, бросил ему в спину:

«Так как же с поросёнком-то?»

Незнакомец остановился, обернулся и сказал:

«Нет у меня поросёнка, у меня только лошадь, её бы я продал за хорошую цену».

Сказал и пошёл дальше. Но когда потопали и Юрка со старухой, то через несколько шагов и незнакомец, в свою очередь, окликнул их:

«Так не хочешь лошадь купить?»

Теперь остановился Юрка, обернулся, подумал и ответил:

«Пожалуй, нет».

Сказал и пошёл дальше, старуха следом.

«Сглупишь, коли не купишь!» – прокричал им вслед незнакомец, но Юрка больше не обращал внимания на его слова. Лишь немного времени погодя он заметил жене:

«Милый и любезный человек, общительный и всё такое, а поросёнка нет».

«Известное дело, милый да любезный, когда подсовывает другим свою дохлятину», – ответила старуха.

«Вроде бы так», – согласился Юрка.

Теперь какое-то время ничего не было слышно, кроме тяжёлой медленной поступи: шарк-шарк, шарк-шарк и врывающихся в неё частых шажков: шмыг-шмыг, шмыг-шмыг. Так и шагали, пока им, наконец, не повстречалась молодая шустрая бабёнка, у которой Юрка спросил:

«Моей бы старухе поросёнка».

«Ах, поросёночка ищите? У нашего соседа чудная свиноматка кучу поросёток принесла, с дюжину, а то и с чёртову дюжину. Хорошенькие, расчудесные у них поросётки, смотреть прямо душа радуется», – заливалась та.

«Стало быть, там и взять могли бы», – рассудила Лизете.

«Да куда там!» – воскликнула женщина. «Сама ходила пару-тройку раздобыть, да воз и ныне там, и в итоге с базара принесла, ведь что поделать, если видит око, да зуб неймёт».

«Стало быть, они себе всех оставили», – молвил Юрка.

«Да что ему с такой прорвой делать!» – завизжала она. «Хорошо, если там двум будет, чего дать поесть. Ведь поросёнок-то сам по себе не растёт, не жиреет, его то и дело корми – то молочка, то супчику остатки, то мучки, то картошечки. Даже мыть их надо, окаянных, как тех же ребятишек, а не то, глянь, зачахнет и не вырастет из них ничего. Потому как...»

«Так что, на поросёнка там надежды нет?» – вмешалась Лизете в разговор женщины.

«Нет, пожалуй, и ни в этом году, и не в следующем, и не через год, если только они о новой свиноматке не похлопочут. А старикан не похлопочет, на это и не надейся, такой уж это человек, что если сказал „нет“, то так тому и быть. И мне он во всеуслышание заявил: пусть она их хоть всех приспит да передавит, мне это без нужды, отведу её снова к хряку. Человек с годами стареет да умнеет, так может и у этой ума прибавится, чтобы больше их во сне не давила».

«Ах, сама же мамашка!» – не сговариваясь, воскликнули Юрка и Лизете.

«Сама мамашка», – подтвердила женщина, приблизилась на шаг и понизила голос, будто делилась тайной: «На кого ногой наступит, кого приспит – так всем и конец. Последний только сам, наверное, и помер. Хозяйка говорит, что с горя по другим или от чревоугодия, потому как хрюшка грузная и вымя полное молока, и всё одному, потому как других-то больше нет. Но только об этом и пикнуть нельзя, ведь многие считают, что свиноматке „сделано“⁹, а хозяйка говорит, что если и „сделано“, то нами. Помоги Бог, если нами, как будто кроме нас поросёток никто и не видел! Но хозяйка говорит, что моя свекровка видела свиноматку прямо перед опросом и проронила мимоходом, что, мол, какая у вас чудная хрюшка, скоро получите кучу чудных поросёток. Ну, вот и получили они этих чудных поросёток! На совести твоей свекровушки они, говорит мне хозяйка, а если ты свою свекровушку защищаешь, значит, и сама такая же, как она. А я ей в ответ, дескать, а что в моей свекровушке не так, да она же милейшая женщина, мы с ней душа в душу живём. А хрюшкина хозяйка: да какая же она милейшая, ежели глаза у неё карие. Ну да, говорю я, верно, карие глаза у неё, и если это изъян, тогда конечно, но...»

«Да уж, счастливо оставаться», – сказал Юрка, удаляясь.

«И вам того же», – ответила, прервавшая рассказ на полуслове, женщина и добавила: «Но раз поросёнка нет, не желаете ли взять себе котика? У нас они чудные, серенькие. У старой кошки было пятеро, троих утопили в помойном ведре, двое ещё остались, одного можно бы отдать, можно бы и совсем даром, если людям хорошим. Если ребятишкам отдать, так затаскают котика, лишь у старичков из котёночка вырастет настоящий кот. Не знаю, много ли у уважаемых деток?»

«Да нет ещё», – сказала Лизете.

«Ну, тогда вы словно созданы для нашего котика. Хотите, пойдёмте к нам, возьмёте себе котёночка, он весом невелик».

---

⁹ наколдовано

«Что думаешь, старуха?» – спросил Юрка.

«Ну, раз поросёночка нет, в хозяйстве и вошь скотина», – решила Лизете.

Так они и отправились вместе за котёнком, свернув немного с дороги, и Лизете уже заранее радовалась, что в их избушке будет хоть что-то живое, кроме них самих. Но дело пошло несколько иначе, чем полагали Юрка со своей старухой, и чём говорила невестка. Потому как выяснилось, что свекровь была главой семьи, хотя формально хозяином был её сын. У говорливой невестки было лишь право говорить, работать же и действовать она могла лишь по указке свекрови. А та, лишь только сообразив, зачем явились в их усадьбу чужаки, сразу же спросила:

«Корова у вас есть?»

«Нет, пожалуй», – ответил Юрка.

«Как так: нет, пожалуй. Есть или нет?»

«Нет пока», – сказала теперь Лизете.

«А что же вы станете с котёнком делать, он же хочет свежего молочка, а иначе из него не жилец».

«Да молочко-то можно и из деревни носить, много ли этот котик вылакает», – рассудила Лизете.

«Деревня от Чёртовой Дыры километрах в двух-трёх», – сказала свекровь.

«Что с того», – изрёк и Юрка, – «у моей старухи поршни хоть куда».

«Ничего из этого не выйдет», – рассудила свекровь. «Позаботьтесь сначала о корове, а потом и за котёнком приходите».

«Вроде бы так», – молвил Юрка и надумал уходить, но Лизете не желала так легко отпустить свекровь. Она начала толковать, как одиноко ей в доме быть целыми днями одной, и как бы она любила котика да заботилась бы о нём.

«Я буду его брать с собой за молочком, дам ему сразу парного, пусть себе лакает, сколько душе будет угодно. Поверь, хозяйюшка, более привольной жизни, чем у нас, не найдёт ни один котёнок на всём белом свете», – закончила Лизете свой долгий сказ.

Свекровь слегка призадумалась, а затем повернулась к невестке с вопросом:

«Леэни, ты как считаешь, может и впрямь им отдать, или как?»

«Я бы отдала, будь моя воля».

«Ну, тогда ты и отдавай», – решила, наконец, свекровь, поскольку её, а не невестку чужаки именовали хозяйюшкой, и в присутствии которых невестке дали понять, что она, свекровь, в доме верховод. «Положи его аккуратно в корзинку, да постели под низ чего-нибудь мягкое и тёплое».

В мгновение ока всё было исполнено, единственным затруднением стало, чем бы обвязать корзинку. Ничего подходящего из того тряпья, что свекровь будто от сердца оторвала старухе для корзинки с котёнком, невестка не нашла, поскольку кто этих совершенно чужих людей знает, вернут ли ещё назад или нет. Но Лизете вовремя пришла в голову хорошая мысль, и она сказала:

«Старик, снимай-ка шейный платок¹⁰, он просто создан, чтобы обвязать корзинку с котёнком – такой тёмный да затасканный».

Но пока Юрка соображал, что делать с шейным платком, снимать или оставить, Лизете пошла на мужа врукопашную и, прежде чем Юрка по-настоящему сообразил, что с ним произошло, платок был уже на корзинке.

«Да ты ж мой миленький заморыш, светик ты мой, вот уж тебе у нас заживётся!» – приговаривала Лизете, завязывая платок. «Птички у тебя поют под самой дверью, только успевай

---

¹⁰ До 30-х гг. XX века в Эстонии многие мужчины старшего поколения и в праздники не носили галстуков, а повязывали шейные платки, обычно белые.

ловить, мышки носятся по полу, только лапку протяни, крысищи огромные шныряют между домом и амбаром, так что...»

Прежде, чем Лизете успела договорить, на неё налетела свекровь и вырвала из рук корзинку, крича:

«Что?! У вас крысы, а вы хотите, чтобы я позволила унести туда своего котёнка! Да ни в жизнь! Они, окаянные, сразу котёнка утащат, если кошка без присмотра оставит. Леэни, забирай котёнка, неси в гнездо обратно».

Так оно и случилось: невестка взяла корзинку с котёнком и ушла.

«Бог ты мой, да кто же я сама после этого буду, если позволю крысам на котика напасть!» – восклицала Лизете.

Но это не помогло, котёнок уплыл из рук. Ничего не поделаешь, так что новосёлы из Чёртовой Дыры должны были убираться восвояси вдвоём – ни поросёночка, ни кота.

«Полоумные», – бранилась Лизете, выходя воротами со двора. «Раз мыши и крысы есть, то кота не дают. Была бы корова, тогда бы дали. Пусть кот под коровой сидит да лакает».

«Не трезвонь», – изрёк старик. «Сама распелась, что по избе мыши с крысами носятся, а то другие этого не знают».

«А что мне нужно было сказать, что медведи по дому бегают?» – спросила старуха.

«Вроде бы так», – ответил Юрка, – «медведь кота не заломает, невелика добыча, а вот тебе лапой по башке даст».

На последней фразе Лизете вытаращилась на старика и спросила: «Куда это ты, растяпа, свой шейный платок подевал?»

«Сама же кота в него завязала», – ответил Юрка.

«Нет, ну что за люди!» – запричитала Лизете. «Кота не дали, а вот платок наш им сгодится. И чего же ты ждёшь, за платком своим не идёшь?» – взывала она к старику.

«Не пойду», – ответил тот.

«Ты что, хочешь без платка своего остаться?»

«Вроде бы так», – спокойно ответил Юрка.

«Тогда я сама пойду, платок принесу», – решила Лизете.

«Если вернут», – усомнился Юрка.

«А не вернут, так отниму».

Сказала и повернула назад. Но дело оказалось проще и незатейливее, чем думалось вначале: едва Лизете приоткрыла ворота, как невестка вприпрыжку обогнула свекровь, стоящую посреди двора, и звонким голосом радостно закричала:

«Дервня вы деревня! Платок-то свой и позабыли!»

Сломав голову она влетела в ворота навстречу Лизете, сунула ей в руку платок и прошептала:

«На, возьми с котёночком вместе, свекровка здесь не увидит. Немножко он платок подмочит – невелика беда».

Лизете не смогла вымолвить ни слова, и лишь поспешно удалилась со своей драгоценной ношей. Невестка, закрывая ворота, со смехом прокричала ей вслед:

«Когда своих крыс изведёшь и со двора прогонишь, тогда и за котом приходи!»

Свекровь, которой очень понравились слова невестки, в свою очередь добавила:

«И молоко пусть своё будет, если хотите кота вырастить».

«Славные люди», – приветливо хихикнула невестка свекрови.

«Как же, славные», – отозвалась свекровь. «Бестолковые».

«Известно, бестолковые», – засмеялась невестка. Да так, что смех её донёсся до новосёлов из Чёртовой Дыры. И свекровь смеялась вместе с невесткой.

«Раскудахтались», – неодобрительно буркнул Юрка.

«И не без причины», – сказала Лизете.

«Вроде бы так», – рассудил Юрка.

«Ты ведь не знаешь причины. Смотри, здесь эта причина», – пояснила Лизете и, когда хутор пропал из виду, вытащила из-под передника¹¹ завёрнутого в платок котёнка. «Над этим смеются».

При всей своей важности Юрка позволил себе лишь хмыкнуть нечто неопределённое и надолго замолчал. Но когда старуха объяснила ему, в чём дело, рассмеялся и он, и смех этот разнёсся много дальше, чем смех невестки и свекрови.

«Нам бы такую невестку», – рассуждал он некоторое время спустя, когда они уже топали к дому.

«Ага, такую», – сказала старуха. «Твоё добро у тебя же на глазах раздаст, обчистит как липку догола».

«Но зато как она смеётся», – возразил Юрка.

«Вот она и смеётся над той, кого обворовывает».

«Вроде бы так».

Да, только сейчас до Юрки дошло, что невестка смеялась не над ними, а над своей свекровью. А та лишь сама над собой и надсмеялась. Это словно заново придало ему решимости и сил. Раз у старухи был котёнок в переднике, то они, пожалуй, найдут в итоге и поросёнка. Так думал Юрка. И чтобы закрепить успех, с каждым встречным он заводил разговор о поросёнке. С одной девчушкой, что пасла скот у обочины, разговор завязался особенно ладно. Юрка и Лизете уже было решили, что оказались на верном пути, однако под конец выяснилось, что произошло небольшое недоразумение: на хуторе хоть и есть пара поросят, да они нужны самим хозяевам, лишних уже давно раздали. Ну, что поделаться, зато они смогли посидеть возле девчушки на кочке и немного передохнуть.

Так вот, расспрашивая о поросёнке да беседуя с прохожими, они добрались до ближайшего к родному углу хутора. И только здесь некто горбатый и хромоногий – то ли портной, то ли башмачник, сложно было распознать, – растолковал им, что если чего нужно, то лучше всего отправляться напрямик к Хитрому Антсу¹², потому как у него есть всё, и достать он может всё.

«Так что и поросёнком у него разжиться можно?» – спросил Юрка.

«И поросёнком», – ответил хромоногий горбун – то ли портной, то ли башмачник.

«И коровы у него тоже есть?»

«И коровы».

«И лошади?»

«Лошади тоже».

«Кто ж он сам таков будет?» – спросил Юрка.

«Что же ты за человек, что Хитрого Антса не знаешь?» – спросил в ответ горбун.

Они в упор посмотрели друг на друга – кряжистый Юрка и букашка-горбун против него.

«Коль пойти отсюда прямо», – начал пояснять горбун, – «и повернуть сначала сюда, а потом туда, то доберёшься до огромной раздвоенной¹³ берёзы. Вот оттуда ещё немного пройти, и увидишь дом Хитрого Антса. Кто навстречу попадётся, спроси о нём, все его знают, и ты узнаешь, если разок к нему сходишь».

Юрка, следом старуха с котёнком, отправились на поиски огромной раздвоенной берёзы. Всё было, как сказал горбун: сперва повернул в эту сторону, потом в другую, потом берёза

---

¹¹ Замужние эстонские женщины носили передник – его торжественно надевали невесте во время свадьбы. После этого появиться без него было неприлично.

¹² Хитрый Антс в эстонских сказках соответствует хитрому Уленшпигелю из фольклора Центральной Европы; но обычно Антс надувает Ваннапагана, «глупого чёрта».

¹³ Раздвоенная (эст. kaheharuline). Здесь, возможно, форма «рогатой» берёзы носит скрытый смысл.

и, наконец, дом Хитрого Антса у обочины дороги, и Антс собственной персоной в воротах. Но Юрка не знал, что это сам Антс, и оттого спросил:

«В этих краях живёт Хитрый Антс? Моя старуха поросёнка просит».

«Так-так», – усмехнулся Антс. «А чего бабам, кроме поросят да ягнят, ещё и надобно».

«И тёлочка бы не помешала», – добавил Юрка.

«Ну, а как же, как же», – посмеивался Антс. «И лошадёнка, пожалуй, не помешала бы, а?»

«Вроде бы так», – промолвил Юрка.

«Сам-то из каких будешь?»

«Свой, из Чёртовой Дыры».

«Так это у тебя там, народ сказывает, дымок курится из волокового оконца?»

«Вроде бы так», – сказал Юрка. «Старуха кочегарит», – добавил он для уточнения.

«Так-так», – снова промолвил Антс, поскрёб свою жиденькую бородку на остром подбородке и спросил: «Бумаги в порядке?»

«Сходили сегодня за ними».

«Ишь ты. Неужели в Чёртовой Дыре новая власть. Прежнего-то хозяина Ванапаганом величали. Глядишь, и тебе прозвище старика перейдёт, если пойдёшь по его стопам».

«Что мне до прозвища – поросёнка бы», – сказал Юрка.

«Прежний Ванапаган из Чёртовой Дыры закончил без поросёнка – новый с него начинает», – усмехнулся Антс. «И силёнка в тебе, пожалуй, имеется, хоть с самим настоящим Ванапаганом грудь на грудь сойтись. Вот такой хозяин в Чёртовой Дыре и нужен, другой там не осилит. Прежний-то был доходяга».

Снова возникло небольшое молчание, которое, наконец, прервал своим вопросом Юрка:

«Не понял, так как же с поросёнком?»

«Так ни ягнёнка, ни тёлочки не надобно?» – спросил в ответ Антс.

«Сначала поросёнка бы», – рассудил Юрка.

«Да, похрюкивал бы себе в закутке», – изрекла Лизете.

«Ну, так и будет, коль не шутишь», – усмехнулся Антс, а затем добавил: «Жаль, но самого хозяина сейчас дома нет, так что...»

«Антса, что ли?» – спросил Юрка.

«А кого же ещё?» – спросил в ответ сам Антс. «Его же вы ищите, как слышно».

«А ты за батрака¹⁴, стало быть? – полюбопытствовал Юрка.

«Скорее бобыль¹⁵ или даже квартирант¹⁶», – пояснил Антс.

«Так, значит, мы в нужном месте», – обрадовался Юрка.

«В нужном», – подтвердил Антс. «А что до поросёнка, так давай, попробую я сам с хозяином вокруг да около о дельце потолковать, и если чего выгорит, то пошлю вам весточку или сам приду, чего вам ноги натирать. А когда по дороге обратно доберётесь до большой берёзы, то не идите напрямую, как сюда шли, ведь это вкруговую, а левее возьмите. Через угол пашни и скошенный луг выйдете напрямиком на дорогу, что ведёт в Чёртову Дыру. Так оно короче будет, да и прежний Ванапаган таким путём приходил-уходил, когда бывал у Хитрого Антса. Ванапаганом тропка эта и набита».

---

¹⁴ Батрак (эст. *sulane*) – наёмный рабочий, живущий у хозяина, за годовую плату и рабочую одежду помогающий ему в полевых и хозяйственных работах. Обычно отработывал за хозяина барщину в хозяйстве помещика.

¹⁵ Бобыль (эст. *vabadik*) – безземельный или с небольшим наделом земли человек. Поскольку прокормиться земледелием бобыли не могли, им приходилось работать подёнщиками на мызах, хуторах и стройках, копать каналы, заниматься ручным трудом.

¹⁶ Квартирант (эст. *majuline*) – бедный человек, не из крепостных, живший в барском, помещицком или купеческом доме на средства хозяев и не имевший никаких определённых обязанностей; тот, кто живёт за чужой счёт, угождая перед своим покровителем.

Юрка внял совету Антса, и когда по дороге домой добрался до большой берёзы, то свернул по тропке влево, а старуха следом. Через угол пашни он добрался до скошенного луга, рассуждая так:

«Милый и любезный мужичок. Поди знай, каков этот самый Антс окажется».

«Увидишь, чай, когда пойдёшь за поросёнком», – рассудила Лизете.

«Да неизвестно ещё», – молвил Юрка.

«Чего там тебе неизвестно?» – спросила Лизете.

«Выгорит ли с поросёнком», – пояснил Юрка.

«Тогда зачем тебе этот Антс, если не выгорит».

«Ну, этот там, бобыль или даже квартирант, толковал про ягнёнка, тёлку и лошадку».

«А ты так сразу и верить, а? Уже и слюнки потекли, не так ли? Обожди, получи сначала поросёнка. Слава Богу, что хоть котёнок на руках, пусть и нечестно добытый. Если только свекровь не снарядит за ним погоню. А вот твой дорогой платочек уже и промок».

Так вот мило беседуя, обитатели Чёртовой Дыры благополучно добралось до дороги и по ней домой. Но только здесь Лизете пришло на ум, что для котёнка в доме нет ни капли молока. Так что, схватив за верёвочную дужку молочный бидончик, сделанный из консервной банки от кильки, она со всех ног пустилась обратно в деревню. Котёнка же сунула старику в руки и наказала ему быть с малышом как можно нежнее. И Бога ради не отпускать, ведь кто этого непоседу знает, удастся ли его снова поймать.

«Не переживай, матушка», – подбадривал старик Лизете, – «куда этот кошачий паршивец из мужицких лап денется». С этими словами он уселся на порог, освещённый лучами вечернего солнца, положил котика на левую ладонь и, посмеиваясь, осторожно погладил его правой:

«Ох ты, доходяга, желторотый сосунок! Не иначе, хочется из платка на волю! Так-так, одна лапка. Так-так, вторая лапка. А теперь и третья вылезла, а напоследок и...» Юрка хотел сказать «четвёртая», но не успел, так как котёнок уже спрыгнул с его ладони и, пока Юрка вставал, прошмыгнул по срубам на чердак. Старик стоял и немигающими глазами смотрел на место, где исчез проворный зверёк. Что теперь будет? Что скажет старуха, когда вернётся с молоком? Позор хуже смерти: огромный, дюжий мужик, а вот котёнка удержать не смог. Словно ни ума, ни силы не хватает.

Юрка решил взобраться вслед за котёнком на чердак, поймать его к приходу старухи, чего бы это ни стоило. Пиджак он скинул, чтобы в одном расстёгнутом жилете было легче вскарабкаться и, если нужно, протиснуться. То, что он поймает кота, сомнений у Юрки не вызывало, потому как куда же животине от человека деться, а в избе и подавно.

Однако на чердаке над гумном¹⁷ Юрка заметил, что дело обстоит хуже, нежели он полагал вначале. После солнечных лучей снаружи здесь оказалось темно, лишь немного света пробивалось сквозь щепу кровли и волоковое оконце. Чтобы пробраться на ту сторону чердака, где была жилая часть риги¹⁸, и куда пролез кот, нужно было сначала пробраться по настилу над гумном. Но то ли здесь никогда и не было надёжного настила, то ли со временем кто-то вытащил колосники¹⁹. И переход с одного края на другой оказался весьма затруднительным: на каждом шагу боялся, что пролетишь между жердями или свалишься с их обломками на твёрдый глинобитный пол.

---

¹⁷ Гумно (эст. *gehealune*) – место, где молотили и веяли зерно, сушили на колосниках снопы, содержали орудия и сено, а зимой также домашний скот.

¹⁸ Жилая рига (эст. *rehielamu, rehetare*) – срубная постройка с высокой соломенной или тростниковой четырёхскатной крышей и полом из утрамбованной глины или плитняка; центральное жилое помещение, строилось фасадом во двор, топилось по-чёрному и использовалось для сушки снопов. Состояла из трёх частей: сама жилая рига (около 4 м высотой), просторное гумно и одна или две каморы. В романе постройки расположены в следующем порядке: гумно, жилая рига и камора.

¹⁹ Колосники (эст. *paiged*) – в риге на высоте 1,5–1,8 м от пола по длине дома врезались две несущие балки, на которых лежали колосники – жерди в 10–15 см толщиной. На колосниках под высокой крышей сушили снопы соломы. После окончания молотбы колосники сдвигали в одну сторону и использовали как полати.

Ничего не поделаешь, пришлось Юрке стать на четвереньки и ползти на ту часть чердака, что над каморой²⁰. Высокий, угловатый и закоптелый сруб жилой риги, словно чудище, преграждал ему путь. Его следовало перелезть или обогнуть. Юрка выбрал последнее. Путь этот шёл под скатом крыши, где между обрешёткой торчали клочки соломы, за десятилетия пропитанные копотью и пылью. Они измазали ему лицо и рукава белой рубахи. Но Юрка, не оставиваясь, лез и добрался до чердака над каморой. Здесь было так темно, что вначале глаза не различали вообще ничего. Лишь слышались чьи-то тихие торопливые шажки. Юрка остановился. В темноте перед ним, словно угольки, горели два глаза. Должно быть, кот.

«Ах ты, паршивец, – прошептал Юрка, – «накрыть бы шапкой, тогда бы попался».

Он подполз поближе к пылающим глазам, в руке шапка, чтобы поймать кота. Но вдруг глаза потухли, и на фоне кровли стало видно, как кот обежал сруб жилой части риги с другой стороны в сторону колосников над гумном. Делать нечего, Юрке нужно было снова ползти под скатом крыши, где он получил новую порцию копоти и пыли от клочков соломы. Добравшись до колосников, он обнаружил, что с этой стороны риги таких жердей, чтобы выдержали вес человека, вообще нет, лишь кот и сможет проскочить.

Юрка полез обратно на ту часть чердака, что над каморой, чтобы с другой стороны сруба жилой риги повторить уже пройденный путь. Всё это заняло так много времени, что котёнок тем временем мог Бог весть куда подеваться. Но нет, когда Юрка вновь добрался до жердей, туда, где было чуть светлей, он увидел, что котёнок сидит возле лесенки на жёрдочке и смотрит вниз, как будто увидел там незнамо что интересное. Юрка снял шапку и бросил в кота в надежде, что если он свалится с чердака вниз, там его будет легче поймать. Но шапка пролетела мимо, а кот перебежал на другой конец жердей, куда Юрка пролез за ним следом с большим трудом, так как редкий настил из жердей разъезжался у него под коленями и руками. Котёнок забился в тёмный угол под кровлей, где Юрка его и настиг.

«Ну, братец, теперь ты от меня не удерёшь», – радовался Юрка, пробираясь поближе к котёнку. Но едва он протянул руку, кот прошмыгнул в щель между срубом и кровлей, словно хотел спрыгнуть вниз. Но при ближайшем рассмотрении оказалось, что возле задней стены риги находится какая-то пристройка, чей чердак хорошее убежище, так как человеку ниоткуда туда не попасть. Если только просунуть в зазор длинную и тонкую жердь. Так Юрка и сделал, но безуспешно. Результатом попытки с земли было то, что котёнок снова пробрался сквозь щель в кровле назад к колосникам. Юрка забрался за ним туда, но тот, спасаясь от преследования, тут же ускользнул обратно в своё прежнее убежище.

Так вот Юрка и перемещался снизу на колосники, а оттуда вниз за ригу много раз. Наконец, терпение его лопнуло, и он решил развалить пристройку в задней части риги, чтобы поймать уже котёнка. Едва он налёг на первый венец, как за ригой раздался голос жены:

«Муж, ау, муж! Неси котёнка сюда, я молоко раздобыла!»

Ничего не поделать, разрушение постройки пришлось отложить. Юрка остановил работу и ненадолго задумался, как быть и что сказать. Когда старуха начала звать вновь, он показался ей.

«Экое чудище!» – воскликнула Лизете, увидев мужа. «Ты же грязнее молотильщика снопов! Со лба пот градом! Да что же ты наделал? Что с твоей рубахой²¹? Только сегодня утром белоснежную её тебе дала».

Юрка не мог ничего ответить.

«А кот где? Куда ты его дел? Упустил?»

---

²⁰ Камора (горница, клеть) (эст. *kamber*) – неотапливаемые помещения, которые использовали как кладовки, в тёплое время и в качестве жилого помещения.

²¹ Рубаха (эст. *särk, hame*) – была холщовой, туникообразного покроя и с прямым разрезом, достигала бёдер и имела либо отложной, либо невысокий стоячий воротник. В зависимости от региональных традиций рубаха могла либо носиться навыпуск, либо заправляться в штаны.

«Вроде бы так», – вымолвил, наконец, Юрка.

«А я мчусь с молоком как угорелая!» – заохала Лизете. «Да что же с котиком-то этим, где он сейчас?»

«На чердаке».

«И ты там за ним гонялся?»

«Вроде бы так».

«Не поймал?»

«Нет, пожалуй».

«Нет, ну и мужик у меня – за котом присмотреть нельзя тебя оставить!» – заголосила Лизете. «А что ты за ригой делал?»

«Ломал её, чтобы...»

«Чтобы кота поймать?»

«Вроде бы так».

«Боже ты мой!», – запричитала Лизете. «Отойдешь на минутку, а ты за спиной уже постройки ломаешь».

«Так если иначе-то не поймать».

«Да где ж он у тебя?»

И теперь Юрка получил возможность объяснить, где сейчас находится котёнок и где он был до этого, и как он там оказался, и что делал он сам, и что он ещё замышляет сделать. Вдвоём они отправились ловить котёнка: старуха с молоком полезла на колосники, а дед жердиной ковырял в пристройке. И глянь, как только кот увидел плошку с молочком, то сразу же подошёл лакать, так что Лизете взяла его на руки без особого труда. Это стало первой большой радостью новосёлов из Чёртовой Дыры.

II

Ясным солнечным днём хозяйка Чёртовой Дыры сидела у порога на колоде и смотрела, как котёнок лакает молоко. Прежде она сама несколько раз попробовала на вкус эту белую жидкость, не скисло ли за ночь, не расстроит ли котёнку животик. Но нет, чувствовалось, что молоко ещё свежее. И так, Лизете налила его до краёв в черепок от разбитой глиняной миски, оставшийся ещё от прежних хозяев, и ткнула туда котёнка носом.

Сам старый Юрка, этот новый Ванасапан из Чёртовой Дыры, вернулся из леса с ношей жердин, потому как дворовая ограда скосбочилась, и её требовалось подправить. За сегодня это была уже невесть какая ходка. Для начала он принёс пару вязанок дров, затем взялся носить деловую древесину. Увидев старуху с котёнком, он постарался скинуть ношу как можно тише. Тем не менее, это породило такой грохот, что кот обратился бы в бегство, если бы не проворные руки Лизете, вовремя его подхватившие.

«Да будь ты неладен со своим гроыханием», – распекала мужа Лизете, – «снова хочешь мне кота на чердак загнать».

«Ишь, паршивец, какой вспльчивый», – подивился Юрка и подошёл к старухе посмотреть, как кот снова лакает молоко. Долгое время они сидели молча рядом. Наконец, Юрка собрался с мыслями настолько, что произнёс:

«Ну, жёнка, а ты что думаешь об этом нашем житие-бытие? Пришли мы сюда, чтобы найти пристанище, а теперь мы хозяин и хозяйка. И кот у нас уже есть».

«Раз уж пришли, то и крест этот придётся на себя взять», – рассудила Лизете. «Кот у нас есть, но молока для кота нет. Ты будешь носить дрова, а я молоко».

«Может, с Хитрым Антсом сторгуемся, тогда уж...»

В тот же самый момент во двор вошёл Антс и, усмехаясь, перебил его на полуслове: «Здравствуй, Ванасапан. Вчера ты ходил в наши края, а сегодня я пришёл к тебе посмотреть, как в Чёртовой Дыре вкалывают. Так и так в лесу по делам был, подумал: дай заскочу, уж не обессудьте».

«Как с поросёнком?» – спросил Юрка.

«Что, так прямо и горит?» – спросил в ответ Антс.

«Со своим хозяином, Антсом, говорено, что ли?»

«Было», – ответил Антс, которого Юрка всё ещё принимал за бобыля или квартиранта.

«Ну, и чего?»

«Ну, Антс поразмыслил, что кто этого нового Ванасапана знает, что он за человек – старого-то знали, да помер. Того скотина да птица кормили больше, чем он их, потому-то, мол, и надо поглядеть, как там обстоит с новым Ванасапаном, что коли дашь поросёнка, то не стоит ли и корму в придачу дать, а то околеет с голоду. Ты о лошадке вчера толковал, а у самой свежая поленница на двор привезена, но от колёс с копытами следов и в помине нет», – в итоге перевёл Антс разговор на другое.

«На спине», – пояснил Юрка.

«Целыми днями без передыху нанашивал?»

«За сегодняшнее утро».

Антс посмотрел, подумал и усмехнулся:

«Шутник ты. Прежний Ванасапан шуток не понимал».

«И я не понимаю», – молвил Юрка.

«Но за одно утро носишь на хребте столько дров, что хватило бы на день работы двум клячам с телегой на деревянном ходу, да?»

«Ношу», – подтвердил Юрка.

«Ишь ты подишь ты», – усмехнулся Антс и поскрёб редкую бородёнку на кончике подбородка. «Тогда в Чёртовой Дыре более стоящий Ванапаган объявился, чем прежний был. Ты что, надумал забор подправить?»

«Вроде бы так».

«А что с полями делать будешь, если лошади нет?»

«И соху бы», – рассудил Юрка.

«Дело дрянь, коли и сохи нет. А как же ты усадьбу взял, если ничего у тебя нет?»

«Кот есть», – сказала теперь Лизете.

«Да вижу я! И даже молоко есть в битом черепке. Из деревни принесли, что ли?»

«Сама не надоишь, если коровы нет», – уточнила Лизете.

«Самой и котёнка не родить», – рассуждал Антс, – «и того нужно из деревни принести».

«Котёнок может сам прийти и за дверью помякуть, а у молока ни голоса, ни ножек».

«Вроде того», – согласился Антс и, повернувшись к Юрке, добавил: «Бойкая у тебя баба, любезный Ванапаган, у прежнего-то рохла была».

Юрка заржал так, что Антс с опаской уставился на него. По этому-то смеху он и понял, что новый Ванапаган из Чёртовой Дыры действительно мог принести на своём горбу эту поленницу сырых дров. Поэтому спросил:

«Так как же с поросёнком, хотите взять, а?»

«Вроде бы так», – промолвил Юрка.

«За деньги или как?»

«Как же ещё?»

«Сделки разные бывают», – сказал Антс, почесав подбородок. «Прежний-то Ванапаган ничего за деньги не брал. Он либо зерна лукошко приносил, картошки мешок, шерсти фунт, полпуда льна, неокорённые лесины привезёт, либо навоз возил, картошку копал, снопы молотил, хлеб убирал, сено заготовливал, лён обмолачивал да трепал, то есть расплачивался работой или же иначе как. Всё одно те же деньги. А вот эти, настоящие деньги, что звенят и шуршат, он не любил. Такой уж породы был человек, набожный и кроткий. Но люди разные бывают, так что...»

«Поросёнка я бы за деньги взял, а...»

«Зачем же тогда у Антса? За деньги везде можно купить, вези вон хоть из города огромного фасона».

«Сначала деньги, потом иначе как», – пояснил Юрка, – «потому как денег на всё не хватит».

«Так что изволишь и овечку, тёлку, лошадёнку, плуг и телегу?»

«Вроде бы так».

«Не помешало бы», – добавила со своей стороны Лизете.

«Это дело можно с Антсом уладить, уж тот всегда изловчится. У него всегда найдётся пригрошняя муки в уголке мешка, горсть бобов или гороха, сальца кусок в бочонке, пучок-другой льна про запас – в хозяйстве всего понемногу не помешает».

Итогом долгого разговора стало – пару дней спустя пришлось новосёлам из Чёртовой Дыры вновь отправиться к Хитрому Антсу. Потолковать там с ним самим и своими глазами увидеть, чего да как. Но велико же было изумление Юрки и Лизете, когда они, наконец, узнали, что всё это время общались с самим Антсом. Это так потрясло Юрку, что он надумал тут же развернуться и отправиться домой, потому что если сделка начинается с обмана, то ничем хорошим это в итоге закончиться не может. Но Антс поспешил его успокоить, объясняя:

«Ну, поиграл я немного в кошки-мышки, посмотреть хотел, что вы за народец такой будете и стоит ли с вами вообще начинать хороводиться. Но теперь-то знаю, что стоит».

«Да стоит ли?» – молвил Юрка.

«Стоит, ей-богу, стоит», – заверил Антс.

«Вроде бы так», – рассудил Юрка.

«Так что будет поросёночек?» – спросила Лизете.

«И поросёночек будет, и всё, чего ни пожелаете», – ответил Антс.

Так оно и было. Потому что когда владельцы Чёртовой Дыры отправились от Хитрого Антса домой, то была у них лошадёнка, везущая телегу-развалюху. На неё был загружен плуг, между рукоятками плуга на соломенной подстилке бляла овца с ягнёнком, в деревянном ящике похрюкивал поросёнок, в мешках была куча провианта, а за тележкой мычала идущая на привязи корова – хоть яловая²² да тощая, но кошке и поросёнку было своё молочко. Жителям Чёртовой Дыры теперь бы ликовать, но веселья не было и в помине.

«От котика у меня радости больше было», – сказала, наконец, Лизете.

«Вроде бы так», – задумчиво молвил старик.

«Он был нашим первым имуществом, оттого эта радость», – рассуждала жена дальше.

«Отныне будет у него своё молочко, глядишь, он у нас раздобреет да подрастёт».

Лизете рассуждала о котёнке так, словно от этого зависело будущее их хозяйства, а Юрка слушал её и понукал лошадь, словно разделяя её мнение.

Но недолго довелось котёнку лакать парное молочко, так как уже несколько дней спустя, когда Лизете выгнала корову на лесную опушку поесть прошлогоднюю, засохшую жёлтую калужницу, явился медведь, голодный после зимней спячки, и на глазах у женщины задрал её Белянку. Хорошо хоть, сама Лизете спаслась вместе с овечкой и ягнёнком. Придя домой, онемевшая от ужаса, она лишь размахивала руками и показывала в сторону леса.

«Хм?» – спросил Юрка.

«Медведь», – вымолвила, наконец, Лизете. «Корову задрал».

«Не городи», – сказал Юрка.

«Ей-богу», – подтвердила старуха. «Жаль, ружья нет».

Но Юрка поднялся на ноги и, схватив свой топор с длинным топорщиком, спросил:

«Где? Иди, покажи».

«Дорогой мой, муженёк», – заскулила Лизете, – «не ходи с топором. Пусть съест корову, а коли ты пойдёшь – и тебя съест, останемся мы с котиком вдвоём».

Но Юрка не внял мольбам старухи. Он закинул топор на плечо и отправился в сторону леса.

«Медведь огромный, чёрный, мохнатый и свирепый, у меня коленки всё ещё дрожат от ужаса», – приговаривала Лизете, следуя за стариком по пятам.

«Покажи, где он», – сказал Юрка.

Но медведя и коровы там, где оставила их Лизете, уже не было: медведь утащил корову в лесную чащу.

Когда Юрка догнал его там, тот встретил его рычанием. Но заросли были столь густыми, что топором здесь было трудно замахнуть. Поэтому Юрка описал вокруг медведя полукруг, чтобы найти более удобный подход.

«Уйди прочь», – сказал он старухе, – «бабам здесь делать нечего».

«Не уйду», – ответила жена, – «если тебя заломает, то пусть и нас с котиком».

Лишь только теперь Юрка заметил, что Лизете держит на руках котёнка.

«Ладно, тогда пойдём втроём – я, ты и кот», – сказал Юрка.

«Их двое: медведь и дохлая корова», – сказала Лизете, потому что котёнок мяукнул.

«Стой поодаль, не то получишь топором прежде медведя».

Лизете слегка приотстала от мужа, который приблизился к медведю, держа топор наизготовку. Медведь перестал глотать корову и вышел навстречу человеку на видное место.

«Ну, иди-иди, чтобы было удобнее тебя ударить», – приговаривал Юрка.

---

²² Яловая (эст. aher) – бесплодная.

Человек и медведь приблизились друг к другу. Старуха в ужасе закрыла глаза коту и зажмурилась сама, чтобы не видеть, что теперь будет. Но ничего особенного не случилось – Юрка всего-навсего проломил медведю голову топором и тот кулём рухнул на землю, так что Юрка мог начинать вытаскивать топор из его черепа.

«Вошёл как в брюквину, а не вытащить», – чертыхался Юрка.

Теперь, когда страх Лизете перед медведем прошёл, она подошла к старику и сказала:

«Тебе медведя одолеть, что калач испечь».

И она достала котёнка из-за пазухи, посадила его на мёртвого медведя, приговаривая:

«Видишь, заморыш ты мой, мы втроём медведя одолели».

Юрка тем временем осматривал мёртвую корову.

«Правильно задрана», – проговорил он, – «кровь ладно спущена и всё такое. Мясо стоит хорошенько просолить, и шкура на шее только слегка попорчена».

«А с медведем чего делать?» – спросила старуха.

«Снять шкуру, как и с коровы, чего ещё».

«А мясо не сгодится?»

«Да посмотрим, ведь он всю зиму лишь лапу сосал».

Юрка вытащил из-за пояса нож и принялся за работу, а жена взялась ему помогать. Котёнок тем временем наблюдал за вознёй старика со старухой. Когда туши были освежёваны и порублены на куски, Юрка отправился домой, запряг лошадь в телегу и потрясся на ней за мясом и шкурами.

«Наше добро множится», – сказала Лизете старику, когда тот прибыл с лошадьёю и телегой, – «теперь у нас уже есть мясо и шкуры».

«Вроде бы так», – рассудил Юрка.

На следующий день Юрка пошёл к Антсу сообщить, что медведь задрал корову.

«Ты видел, что медведь?» – спросил Антс.

«Видел», – ответил Юрка. «И старуха видела».

«Ну, тогда хорошо. Другое дело, если бы волк зарезал, тогда другое дело. Если медведь, тогда пусть государство за корову платит, потому что косолапый – зверь казённый, господский промысловый зверь. А всякий сам обязан свою скотину фуражировать. И у медведя есть свободный выбор, с какой ему коровы, быка или лошади шкуру спустить».

Много премудрого и интересного мог порассказать Антс о добыче, охоте и охотничьих законах. Юрке не пришлось и рта раскрывать, он только слушал. Так Антс и не узнал, что Юрка зарубил медведя топором, снял с него шкуру и повесил её на стену сушиться. Дело выяснилось лишь тогда, когда от Юрки потребовали доказательств, что медведь действительно задрал его корову. Потому как вопрос был сомнительным во всех отношениях. По данным лесников, в этой округе не было ни одного медведя, а иначе устроили бы зимой охоту на берлоге. А тут сразу раз – и медведь, да ещё корову задирает! Притом как? При каких обстоятельствах? Никто не видел задранную корову – её освежевали и разделали ещё до осмотра.

«Ты действительно медведя своими глазами видел?» – допытывались у Юрки.

«Видел», – подтвердил Юрка.

«И как корову заламывает – тоже?»

«Это старуха видела»

«А ты когда же медведя увидел?»

«Когда я его убивал».

Раскрыв рты, все недоверчиво уставились на Юрку.

«Дал топором, когда он корову жевал», – пояснил Юрка.

«Чушь собачья!» – воскликнул кто-то, и все тут же рассмеялись.

«Дома и шкура на стене», – сказал Юрка.

«А потом сам же приходишь требовать возмещения убытка за корову?»

«Сезон охоты закрыт, а ты медведя бьёшь...»

«Да как бы я смог иначе у него корову отобрать», – сказал Юрка. «Старуха свидетельница, как медведь бросился на меня – чего же мне оставалось делать. Дал топором разок, не больше. Я и убивать-то его не хотел, думал лишь попугать, а он...»

«Ну ладно, ладно», – сказали Юрке. Но медвежью шкуру потребовали отдать, а когда заплатили за корову, Антс забрал деньги себе, в то время как коровью шкуру он унёс ещё раньше. Так что остались у Юрки лишь шматки медвежьего мяса, которые он засолил для пробы, да постная говядина; последняя лишь потому, что Антс сказал – ни он сам, ни его семья, мол, не ест заломанную медведем скотину – эту привилегию и удовольствие на любителя он, дескать, оставляет Ванапагану из Чёртовой Дыры. Лизете совсем опечалилась, что дела приняли такой оборот, но Юрка утешил её, пояснив:

«Благодари Бога, что я так легко отделался. Мудро я поступил, сказав, что хотел лишь попугать, а не убивать мишку. А то за убийство медведя чего-нибудь да будет, ибо...»

«А, так пугать господского медведя всё же разрешено?» – перебила его Лизете.

«Вроде бы так».

«Так что, если он не испугается, тогда можно и убить».

«Получается, что так».

«А где же нам взять новую корову? Ведь иначе ни котёнку, ни поросёнку молока у нас нет».

«Антс обещал похлопотать».

«Прекрасный человек этот Хитрый Антс, нас в беде не оставляет», – с признательностью молвила Лизете.

«Верно, не оставляет», – согласился Юрка.

Так оно и случилось: несколько дней спустя в Чёртову Дыру принесли весточку, что они могут отправляться за новой коровой, если пожелают. Юрка с Лизете и отправились. На этот раз коровка была ещё паршивее, чем первая.

«Какой вам смысл туда хорошую в дремучий лес вести – скоро непременно и эту медведь у вас опять задерёт, тьма их там. Лишь от волков корову берегите, чтобы они ей в горло не вцепились – за их пропитание ни одна земная власть не печётся, лишь Боже праведный на небесах».

«Волков я одним криком прогоню», – рассудила Лизете.

«Ну, тогда бояться нечего», – успокоился Антс. «Медведь – зверь полезный».

Получив такие познания, Юрка, Лизете и корова направились в сторону дома. Юрка держал верёвку, а Лизете подгоняла сзади и поругивала корову, которая никак не хотела следовать за стариком. Когда она пресытилась руганью, то спросила у Юрки:

«Что ты теперь по этому поводу думаешь?»

«По какому поводу?»

«О новой корове и обо всём. Неужели медведь и эту заламает, как сказал Антс?»

«Вроде бы так».

«И ты снова убьёшь медведя?»

«Пожалуй, поглядим... если по-другому его не испугать...»

«А если испугается?»

«Не городи чушь».

«Ах, ты хочешь, чтобы я только с коровой и разговаривала?» – спросила Лизете, но всё же надолго замолчала. Наконец, сказала, словно про себя:

«Скоро придётся начать тебе барщину²³ у Антса отбивать».

---

²³ Барщина – даровой, принудительный труд зависимого крестьянина, работающего с личным инвентарём в хозяйстве собственника.

«Велел уже завтра приходить», – промолвил Юрка.

«Мать честная!» – воскликнула Лизете. «Как же завтра, если ты только со следующей недели выходить должен».

«Вторая корова уже, поэтому».

«Прав он – уже вторая», – согласилась Лизете. «И с чего же мне здесь одной-одинёшеньке начинать?! Кот запросится гулять, поросёнка накормить, корову с овцой на лесное пастбище отогнать. А кто медведя убьёт, если он корову ломать станет?»

«Ну, придёшь за мной к Антсу, куда же деваться».

«И ты думаешь, что медведь будет так долго ждать?»

«Обождёт, наверное, если коровой займётся».

Таким манером и началась у них теперь жизнь: Юрка был постоянно на барщине у Антса, а старуха копошилась одна-одинёшенька дома. Для работы на себя Юрка урывал лишь ночное время и воскресные дни. Невзирая на это, Антс считал, что работы одного Юрки для погашения долгов недостаточно, и что иногда надо и старухе приходить к нему на помощь. Но это было невозможно, потому что не оставалось хранителя очага или, как выразилась Лизете: не было, на кого кота оставить. Однако этот вопрос смог разрешиться неожиданным образом. Однажды в Чёртову Дыру явилась никто иная, как невестка с усадьбы Казе, от которой Лизете получила котёнка, и пожелала вернуть его обратно.

«Свекровка с утра до вечера обзывает меня котокрадкой», – объяснила она. «Ладно бы конокрадкой, но котокрадкой – какой стыд и позор!»

«Откуда ей знать, что ты кота у неё увела?» – спросила Лизете.

«Она не знает, только думает».

«Ну, а если кота назад отнесёшь, вот тогда и узнает, что ты».

«Я же тайком отнесу».

«Я кота не отдам», – сказала Лизете. «Хоть судом требуй. И в суде не скажу, что от тебя его получила. Что угодно делай – я всё буду отрицать. Пусть свекровь обзывается – от этого руки не отсохнут. Скажи ей, что у меня он такой sereneкий, на вашего прежнего похожий. Пусть приходит за ним, вот тогда и услышит, откуда я своего котика взяла».

«А ты меня не выдашь?»

«Дура я, что ли».

«Тогда счастливо оставаться!» – крикнула невестка и помчалась задворками в лес. «Изда свекровки это», – пояснила она, – «будет караулить на дороге!»

Пару дней спустя свекровь была в Чёртовой Дыре.

«Что нового в деревне слышно?» – спросила Лизете после приветствия.

«Говорят, что наш котёнок украден и что, мол, точно такой же с серыми полосками есть в Чёртовой Дыре».

«Как у меня на коленях, что ли?»

«Именно такой, так что это наш и есть».

«Ах, значит, на свете больше других таких нет, что ли?»

«Почему нет? А этого ты откуда взяла?»

«Я не взяла. Сам пришёл».

«Этот котёнок сам пришёл сюда, в Чёртову Дыру?»

«Да ведь не один же он пришёл», – толковала Лизете. «С мамой-кошкой».

«Ложь это!» – закричала свекровь. «Где она, эта кошка?»

«Как пришла, так и ушла. Нашла сынку приют, а сама дала дёру. А может, её крысы задрали или медведь. Вон, задрал медведь у нас корову, почему бы ему и кошку не задрать – дал разок лапой, и готово дело».

«Скажи-ка лучше, когда невестка принесла сюда этого котёнка?» – спросила свекровь.

«Какая такая невестка?» – переспросила Лизете.

«Ах, и этого ты не знаешь?! Не помнишь больше, кто тебе этого котёнка предлагал? Знала бы ты, что это за тварь! У тебя же на глазах тебя одурчит, твоё добро с руками оторвёт. И что у этих мужиков на уме, что именно такие им нравятся. И кто же будет за моим сыночком присматривать, когда не будет меня больше на страже! Хочешь – верь, хочешь – не верь, но не нахожу я себе больше покоя ни днём, ни ночью. Только и хожу, заглядываю то туда, то сюда. А вещи пропадают, хоть ты тресни. Как же мне дознаться, когда да как она этого котёнка сюда притащила!»

«Матушка Казе, напрасно ты теперь обвиняешь свою невестку; может она у тебя и хороша, но всё же котика она сюда не приносила».

«А куда же тогда тот котёнок подевался, Боже ты мой?!» – воскликнула свекровь.

«Может, крыс у вас расплодилось, как у нас, вот они и задрали».

«Чёрт его знает», – взяло сомнение свекровь. «Но не замечала я их. А ты можешь поклясться бессмертием своей души, что этот котёнок сам пришёл?»

«Ради этого котёнка я могу пожертвовать бессмертием своей души», – ответила Лизете. «Пришёл вместе с кошкой, откуда, не знаю, и куда подевалась кошка, я тоже не знаю».

Но хотя хозяйка Чёртовой Дыры и пожертвовала ради котёнка бессмертием своей души, не смогла старая хозяйка усадьбы Казе ей поверить. Саднило её сердце из-за невестки, и поэтому всё, что в мире шло наперекор или против её желания, должно было происходить по вине невестки. Уже выйдя за ворота, свекровь вернулась назад, чтобы ещё раз допросить Лизете, и готова была даже отказаться от котёнка, пусть только скажет, что это невестка его принесла. Но Лизете отвечала:

«Я уже пожертвовала ради котёнка бессмертием своей души, что невестка его не приносила. Лишь то, что он был у неё на руках во дворе, это я видела. Большого не знаю, спроси хоть у самого Господа».

«Да вот у самого Господа и нужно спросить», – сказала свекровь. «Знаю одну богомольную ворожею, которая сначала причастится и помолится, а потом у карт совета спрашивает, сквозь ноги смотрит. Вот туда я сейчас и пойду, потому что этого дела я так не оставлю. Что человек посеет, то он и пожать должен».

Сказала и ушла. А Лизете обняла котёнка и не могла на него наглядеться, всё приговаривала:

«Слышал, заморыш, как я пожертвовала ради тебя бессмертием своей души? Хотя цена тебе – штопальная иголка. Так что продала я свою бессмертную душу за иголку. Вот видишь, как я тебя люблю».

III

Жизнь обитателей Чёртовой Дыры стала ещё безотраднее, так как весенних работ на полях прибавилось. Антс требовал скорейшей отработки за отданную скотину и продукты, в противном случае грозился всё отобрать. Так как отрабатывать проходило на барщине, то силы Ванапагана оказались на исходе. Но и тут находчивый Антс предложил выход. Он сказал:

«Тебе нужно нанять себе батрака, куда деваться. Но будь бережлив, найми лишь жене помощника по хозяйству, так что сам тогда сможешь полностью заняться отработкой мне. Потом видно будет, как получится; если нужно, наймёшь и батрачку, чтобы был весь хуторской люд – хозяин, хозяйка, батрак и батрачка».

«Пастуха не хватает», – рассудил Юрка.

«Сначала стадо, потом пастух», – поучал Антс. «Для одной тощей коровёнки, ягнёнка и котёнка пастуха заводить – так голодным останешься».

«Вроде бы так».

Итак, нанял Юрка себе батрака, который отправился ковыряться на его пашенке, а сам продолжил горбатиться на Антса, словно к нему в батраки нанялся. Надумал было Юрка переложить на своего батрака конные барщинные дни²⁴ и работу скотником и пастухом, чтобы отработать полученное от Антса имущество, но последний с этим не согласился, объяснив:

«Корову и лошадь взял ты, сам своим трудом и отработаешь, как положено».

Делать нечего, сам Юрка у Антса остался, батрак же с его старухой в Чёртовой Дыре, словно это была его, а не Юркина, жена. И так дни сменялись неделями, а Юрка даже не знал, что именно происходило в Чёртовой Дыре. Хотя кое-что до него оттуда и доходило, но всё больше со слов очевидца Антса, поскольку он забредал по делам и в тот край. Наконец, охватила Юрку такая тревога, что глубокой ночью сбежал он в Чёртову Дыру. Но когда он захотел войти в дверь, та оказалась запертой. Юрка постучал и, когда никто не пришёл открывать, выломал дверь. В тот миг, когда он ступил в избу, батрак вымахнул в окно. Юрка сунулся за ним следом, но окошко оказалось для него чересчур мало. В гневе он хотел разломать оконный проём, но вовремя сообразил, что не стоит разваливать дом из-за голозадного батрака. Через разбитую дверь он пустился за беглецом, но тот уже во все лопатки удирал в лес, поэтому Юрка вернулся назад в комнату, где шагнул к постели старухи. Она спала. Спала сном праведницы.

«Жёнка!» – крикнул Юрка так, что содрогнулись стены избушки.

«Муженёк, миленький!» – воскликнула Лизете, просыпаясь, таким нежным голоском, какого Юрка никогда ещё прежде не слышал. «Как раз ты мне сейчас снился, будто приехал ты верхом на огромном вороном жеребце, у того из ноздрей с храпом дым и пламя».

«Что этот батрацкий бездельник здесь в комнате делал?» – перебил Юрка старуху.

«Миленький, о каком таком батраке ты говоришь? Я же тебя во сне видела».

«Почему не открыла, когда я стучался?»

«Я ничего не слышала».

«Но я выломал дверь, а батрак вымахнул в окно».

«Ах он, озорник этакий», – выругалась Лизете. «Я же с вечера оставила окошко открытым, чтобы приятнее спалось. Ну, возьмусь я завтра за него».

«Скажи ему, что если я его ещё раз в избе застукаю, то убью».

«Верно, муженёк, это бы ему и впрямь не помешало, большего он не стоит. По правде говоря, и этого он не стоит, – ведь шкуру с него, как с медведя, не снимешь».

---

²⁴ Конные барщинные дни (эст. hobuse-ja lehmaräevad) – трудовая повинность, когда у хозяина работает человек с лошастью или быком.

«И с медведя не стоит шкуру снимать, поскольку её другие себе заберут», – рассудил Юрка.

«Если ещё одного медведя убьёшь, то повесим шкуру на чердак сохнуть. Оттуда никто не догадается её у нас отнять», – утешала его Лизете и добавила: «А то мог бы теперь со мной ненадолго прилечь, но кто тогда дверь починит. Батрак на это как мужик не годится. А без двери совсем никак не обойтись, хоть и летняя пора».

«Пожалуй, не обойтись», – согласился Юрка и в ночном полумраке приступил к починке двери. Когда он справился с работой, то заторопился к Антсу, поскольку там вставали рано. Итогом всего похода Юрки домой стали поломка да починка двери, и ничего другого.

«Эх, не вышло у меня батрака пристукнуть», – с сожалением размышлял он на обратном пути. Но вскоре он забыл про своё сожаление, поскольку предстоял напряжённый труд, который не оставлял времени на размышления.

Ночи стали уже длиннее, когда он однажды вновь предпринял поход в Чёртову Дыру. Он потихоньку вошёл в избу, поскольку дверь теперь была открыта. Осторожно приблизился к постели старухи, но когда, наконец, вытянул руку, чтобы нащупать ложе, то обнаружил, что оно пустое. Куда же делась старуха? Уж не дала ли дёру с батраком?

Юрка вышел наружу и полез на чердак искать постель батрака, но нигде ничего не нашёл. Зашёл в хлев: лошадь, корова и овца были на месте. Во дворе навстречу ему вышел котёнок и в ужасе дал стрекача за угол избы. Юрка призадумался. Наконец, он потерял терпение и крикнул, позвал несколько раз, всё громче и громче. Теперь оттуда, куда убежал котёнок, вышла старуха.

«Ты где таскаешься по ночам?» – спросил Юрка.

«Ну и чудной же ты, муженёк. Прокрадёшься домой иногда, словно тать в ночи, и сразу допрашивать, где я хожу. Сам знаешь, куда ночью ходят, когда прижмёт».

«Где батрак?»

«На чердаке он, где ещё. Чего ты от него-то хочешь?»

«Я спрашиваю, где он? Нет его на чердаке».

«Тогда он, должно быть, шляться ушёл».

«Вот я и думаю – ты шляешься, отчего же и батраку нельзя, а дом стоит брошенный».

«Как же брошенный, когда я здесь», – возразила Лизете.

Но тут Юрке пришло на ум, что за жилой ригой, в нескольких десятках шагов от дома, стоит сенной сарай, и что жена, должно быть, вернулась оттуда. Юрка потопал туда.

«Куда ты пошёл?» – спросила Лизете.

«Пойду, гляну, сколько в сеннике на ниве сена».

«Да потом глянешь, заскочи в избушку на чуток».

«Нет, я хочу увидеть прямо сейчас», – сказал Юрка и продолжил путь. Теперь попавшей в переделку жене пришлось пойти за мужем следом и громким голосом выговаривать:

«Да что тебе такое на ум взбрело, что посреди ночи лезешь на сено смотреть. В сеннике его ещё немного, копны ещё не свезены».

Но Юрка бросился бежать, а Лизете следом, крича:

«Муж, а муж, ты с ума спятил!»

Юрка действительно обезумел. Пыхтя, он добрался до сеновала как раз в то мгновение, когда батрак собирался оттуда сбежать. Но Юрка схватил его одной рукой за шиворот и отбросил, словно сена пук, назад в дверной проём сенного сарая. Сам же начал поспешно закладывать вход лежащими тут же дровами.

«Муж, окаянный, ты это чего задумал?» – закричала Лизете.

«Скоро увидишь», – ответил Юрка.

«Тогда и меня тудапусти», – запросилась в сарай Лизете.

«Тебя я потом прикончу», – пропыхтел Юрка и оттолкнул старуху в сторону.

Замуровав вход в сенник, Юрка достал из кармана спички. Снова взмолилась старуха, но Юрка, не обращая на неё никакого внимания, запалил сарай. Благодаря сильному ветру, сенник превратился вскоре в одно трескучее алое море огня. Пламя охватило и растущий рядом можжевельник, пожирая его с громким треском. Юрка заржал было своим, словно громыхавшим из бочки, смехом, но затем молча уставился на огненный шквал. Лизете сидела неподалёку на краю нивы и рыдала. Когда всё было кончено, а от сарая остались лишь тлеющие угли и куча дымящихся головешек, Юрка подошёл к старухе и сказал:

«А теперь, матушка, пойдём домой».

Но Лизете со своими заплаканными глазами вскочила с края поля, бросилась Юрке на шею и сказала:

«Теперь ты и сам видишь, что я тебе всё ещё дорога».

«Вроде бы так», – рассудил Юрка и после некоторого раздумья добавил: «Когда прикончу тебя, станешь ещё дороже. А вот сарай и сено жаль».

«Не жалей ничего. Кто знает, на кой всё это добро было нужно», – утешала старуха.

Когда утром Юрка явился к Хитрому Антсу, то рассказал там, что ночью кто-то спалил его сенник у нивы, много сена сгорело. Хорошо ещё, что ветер отнёс пламя в сторону, а так бы и вся усадьба сгорела. Они со старухой обсудили, что кто бы это мог сделать, и в конце концов «рискнули» предположить – уж ни парнишка ли батрак со своей самокруткой, поскольку вечером тот собирался идти поспать на свежем сене, а ночью нигде его было не сыскать. Там видно будет, явится он к утру или нет.

Но тот не появился, так как ближе к полудню Лизете принесла Юрке весточку, что парень пропал. Теперь известили полицию, но там посчитали, что следует немного обождать, когда огонь полностью потухнет, а то нельзя же на кострище искать. Хорошо бы прошёл ливень, который потушил бы пламя.

Однако вечером они уже были в Чёртовой Дыре и начали ковырять пепелище. Снизу извлекли ещё несгоревшее сено, а под ним нашли батрака – конечно, мёртвого. Как и почему батрак оказался под сеном, объяснить было сложно. Ведь он мог выскочить из сарая. И если бы огонь застал его врасплох во сне, так что у него больше не было бы возможности спастись, то и под сеном он не оказался бы. Но в одном сомнения не было: огонь был делом рук самого парня, посторонних здесь не было. Когда проснулись хозяева? А хозяин ещё и глаз не смыкал, поскольку шёл от Хитрого Антса, шёл на жёнушку свою взглянуть и уже издали увидел, что полыхает пожар. Побежал, потому как подумал, что усадьба горит, но когда добрался, то увидел, что лишь сенной сарай. Забарабанил в дверь, но жена спала и ровным счётом ничего не знала.

«У меня ноги сразу подкосились, как услышала, что пожар», – посетовала Лизете.

Провели следствие и дознание, опросили да обсудили – тем всё и закончилось. Только что Юрке пришлось искать себе нового батрака либо подёнщика²⁵. Говоря об этом с Антсом, он сказал:

«Парня мне больше не хотелось бы, спалит потом дом своей сигаркой».

«Что ты думаешь про нашу Юулу?» – спросил Антс.

«Про Юулу?» – призадумался Юрка. Конечно, эта сгодилась бы, поскольку Юула была дородная и выносливая, с большими ручищами и толстыми ногами, могла лошадь запрячь, и была по силам выполнить любую мужскую работу. Кроме того, она слыла большой мастерицей метать стога, хотя её и считали слегка глуповатой.

Юрка помог ей как-то спуститься с нового большого стога сена, потому что только у него хватило силы удержать Юулу на весу. Потом они оба хохотали, как двое сумасшедших, и Юрка тогда подумал, что вот бы ему такую жену, как Юула, а не такую доходягу, как Лизете.

---

²⁵ Подёнщик (эст. *päeviline*) – сельхозработчик с подённой оплатой труда.

«Юула и мужику в поле не уступит, и уж сигаркой либо трубкой не задымит», – нахваливал девушку Антс.

«Пожалуй, не задымит», – рассудил и Юрка.

Таким манером и сговорились: Юула вместо сторевшего парня отправилась в Чёртову Дыру, а сам Юрка по-прежнему остался гнуть спину на Антса, добро своё обрабатывать.

«Поглядим, неужто и меня в Чёртовой Дыре поджарят», – дурашливо смеялась Юула, отправляясь в дорогу к новому месту службы.

«Ты сама кого угодно поджаришь», – сказал Юрка.

«Хозяин мог бы меня и до места проводить», – засмеялась Юула.

«Жаль день из-за тебя тратить, ступай-ка ты сама», – сказал Антс. «Как раз камни возим с парового поля – кого я вместо Юрки поставлю, если он тебя провожать пойдёт?»

Конечно, Антс был прав. Вместо Юрки поставить было некого. Не было и в помине мужика, подобного Юрке. Это Юула отчётливо почувствовала в тот краткий миг, когда Юркины руки подхватили её со стога сена. Потому-то она и смеялась как сумасшедшая. Ведь нет большего счастья, чем знать, что есть ещё на свете такой, как Юрка, человек. Как схватит тебя, так сразу почувствуешь, что словно в тиски попал.

Но когда Юула ушла в Чёртову Дыру, в Юрке случилась странная перемена: он тоже стал туда рваться. Раньше он про жену как-то и не вспоминал, а тут вспомнил. Причём лишь другие, а не он сам, это заметили.

«Юрка, принялся ты в Чёртову Дыру сновать», – сказал Антс. «Чего там случилось?»

«Бабы без присмотра – поэтому», – молвил Юрка.

«Всё у тебя заботы – сначала с батраком, теперь с девчонкой».

«Вроде бы так».

Но у Лизете было своё понимание вещей. Она спросила мужа:

«Что за девку ты мне прислал? Будто малость придурковата, а пашет за двоих батраков. И меня начинает подгонять, словно она в доме хозяйка».

Ничего не ответил Юрка жене, но сердце его зашлось от безмерной радости. И с этих пор он стал всё реже появляться в Чёртовой Дыре. Вскоре бросилось Лизете в глаза, что Юула днём сонная, будто не высыпалась по ночам. Что бы это могло быть? Она стала следить за девушкой: та же, вместо того, чтобы вечером ложиться спать, крадучись уходила из дома. Куда бы это она могла ходить? В следующий раз, когда Юрка заявился в Чёртову Дыру, Лизете сказала ему:

«Девка по ночам шляется, не остаётся дома, а днём сонная».

«Ох, скажу я ей», – ответил Юрка.

«Ради Бога, и не заикайся!» – попросила Лизете, – «а то, как останемся вдвоём, набросится на меня, потому что сразу сообразит, что это я рот раскрыла. А я, между прочим, и знать не знаю, где она да с кем...»

«Что тебе до чужих дел».

«Как же она чужая, если у нас в доме живёт».

На том и закончилось. Юрка пообещал, что не вымолвит девушке ни слова. А девушка была временами слегка сонная, но работала как для самой себя. Прошли недели. Теперь Лизете заметила, что Юула не может больше есть, поскольку её постоянно тошнит. И когда начала расспрашивать девушку, то узнала, что та беременна. От кого? Этого она сказать не может, никак не может.

При первой возможности Лизете рассказала обо всём Юрке и спросила, что делать. Но тот остался невозмутимым и, подумав немного, сказал:

«Ну что же, такое уж время настало, что раз у замужних нет детишек, то пусть тогда у девушек будут. Присматривай, чтобы она на работе не надрывалась, а то кто знает, чего да как».

«Ах, так из-за того, что у меня своих детей нет, я должна уже начать чужих ещё до их рождения пасти!» – воскликнула Лизете.

«Вроде бы так», – ответил Юрка. «Ты не можешь ни от своего, ни от чужого ребёнка родить, а...»

«Ты глянь! Да, не могу и не хочу!» – перебила Лизете. «Мне даже на земле-то жить не хочется, на кой мне тогда здесь эти дети».

«Хочешь сломя голову в рай попасть, а?»

«А хотя бы и в рай».

«Ступай хоть в ад. Но до тех пор, пока ты живёшь на земле, ты обязана заботиться о детях. А если нет собственных, то присматривай за чужими».

«Послушай, старик, с чего это у тебя вдруг такая тяга к детям?»

«Я человек, я смертен и хочу обрести спасение²⁶ – поэтому», ответил Юрка.

«Уж не от Антса ли ты этой премудрости набрался, а?»

«Я в церковь хожу – там».

«Так, значит, оно! Ваннапаган из Чёртовой Дыры в церковь ходит!»

«Хожу в церковь и учусь петь».

Лизете смеялась до икоты, поскольку решила, что муж шутит. Но когда она, наконец, увидела, что ему не до шуток, на сердце её легла печаль. Как же ей оканчивать свои дни на земле, если муж превращается в посмешище среди людей! И печаль её возрастала по мере того, как дело у Юулы подходило к разрешению от бремени, потому как Юрка начал всё больше опекать девушку. Если поначалу Лизете считала, что муж стал чаще навещать её дом из-за неё, то вскоре не было ни малейшего сомнения, что причиной этому – Юула и её будущий ребёнок. Так закралось в сердце Лизете дьявольское подозрение, что, пожалуй, её муженёк и есть отец ребёнка Юулы, и что у тех были летом свидания в лесу. Лишь она, глупая, вовремя не догадалась об этом, иначе смогла бы застичь их на месте. Таким образом, однажды она сказала Юуле:

«Ага! Теперь-то мне ясно, кто отец твоего ребёнка».

«Поди знай», – ответила Юула.

«Юрка!» – выкрикнула Лизете.

«Сам сказал, да?» – спросила Юула.

«А иначе чего он так шибко о тебе хлопочет. Да знаешь ли ты, кто такой Юрка? Ваннапаган. Ты произведёшь на свет дитя Ваннапагана».

Юула зашлась смехом, а потом сказала:

«Все хозяева Чёртовой Дыры Ваннапаганы, однако дети у них такие же, как у других людей».

«Юрка – настоящий Ваннапаган», – уверяла Лизете.

«Все говорят, что он новый Ваннапаган», – толковала Юула. «Но мне это всё равно, будь он хоть сам Всевышний. Главное, что он мужик, который сильнее меня, слабаков-то я не люблю. Делает со мной, чего его душе угодно, и ничегошеньки я с собой поделывать не могу».

«Чертовка ты бесстыжая!» – с лютой ненавистью выкрикнула Лизете.

«Не чертовка я, хозяйюшка», – возразила Юула, – «поскольку у меня ребёночек будет. Увидишь, что ещё и двойня, так что...»

Трудно представить, чего натворила бы разъярённая Лизете, поскольку ей вспомнилось, что приключилось с батраком. Но вовремя подоспел Юрка, и теперь зубовой скрежет обрушился на него.

«Эта бесстыжая здесь сказала, что ты отец ребёнка», – набросилась Лизете на Юрку.

---

²⁶ Обрести спасение, спасти свою душу, быть спасённым (эст. õndsakssaada) – именование, прилагаемое ко всякому человеку, стремящемуся вести праведную и справедливую жизнь. Согласно Новому Завету, спасение совершается через веру и покаяние в своих грехах. Считается также, что своими собственными силами человек не может обрести спасение.

«Не я это сказала», – поправила её Юула. «Хозяюшка говорит, что хозяин сказывал, что он отец моего ребёнка. А я сказала, что, пожалуй, даже двойня».

Юрка стоял и дожидался, чем закончится перебранка между бабами.

«А ты что, язык проглотил?!» – крикнула ему Лизете.

«Вроде бы так», – молвил Юрка.

«Так вот почему ты так шибко о Юуле хлопочешь», – говорила Лизете.

«Да кто его знает», – пробубнил в ответ Юрка.

«Обоих бы вас на огне сжечь!» – крикнула Лизете.

«Уберусь-ка я лучше от греха подальше», – сказала Юула.

«Ты остаёшься», – решил Юрка.

«Тогда я ухожу!» – прорычала Лизете. «А тебе, муженёк, я ещё подпущу шпильку».

«Не подпустишь», – сказал Юрка, – «я тебя прежде прикончу».

«Пусть живёт», – сказала Юула и коснулась Юркиной руки, и он тогда рассудил:

«Видишь, старуха, ради этой женщины я дарю тебе жизнь».

«Не хочу я твоих подарков!» – завопила Лизете. «Убей меня, прикончи меня на этом самом месте! Лучше я в ад отправлюсь, чем буду здесь жить!»

«И отправляйся», – сказал Юрка, – «если не хочешь земной жизнью жить».

«И отправлюсь!» – рыкнула Лизете. «А тебе, Юула, я скажу, чтобы ты знала: Юрка сам сжёг свой сеновал и батрака – у входа сторожил, чтобы парень не выбрался».

В избе надолго воцарилась тишина. Затем Юула вразвалочку подошла к Юрке и спросила:

«Это правда?»

«Правда».

«Почему?»

«Спал со старухой».

«А Юула с тобой спала, теперь и её нужно сжечь!» – завопила Лизете.

«У Юулы ребёнок, а у тебя по сей день ни черта», – пояснил Юрка.

«Эта премудрость у тебя тоже из церкви, а?» – спросила Лизете.

«Из Священного Писания», – ответил Юрка. «Плодитесь и размножайтесь»²⁷.

«И ты, Юула, останешься с этим душегубом?» – взывала Лизете к девушке.

«Он отец моего ребёнка», – отвечала та.

«Ну, тогда я вас обоих сдам в руки полиции», – пригрозила Лизете.

«Почему?» – спросил Юрка.

«Потому что батрака сжёг».

«Не я сжёг».

«Ты же сам только что сказал Юуле, что сжёг».

«Ничего я такого не слышала», – заверила Юула. «Смотри, как бы это не ты сама сарай запалила, а не то придётся тебя саму в полицию сдать».

Лизете была сражена – эти двое держались вместе. Она застонала:

«Я умру от ненависти».

«Если ты и помрёшь, то от злобы своей помрёшь», – сказала Юула.

Но Лизете больше не отвечала. Она слегла в постель и сказала, что будет ждать смерти. Другие пускай живут, а она больше жить не хочет. От жизни у неё сплошные разочарования. Так она и лежала целыми днями: не принимала из рук Юулы ни пищи, ни питья, сама не проносила ни слова и на вопросы других не отвечала, и даже для Юрки, если тот приходил её проведать, оставалась глуха и нема. И лежала до тех пор, пока одним прекрасным днём Юула

---

²⁷ «И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле». [Бытие 1:28]

не обнаружила, что хозяйка мертва. Ничего другого не оставалось, как вскипятить воду в котле и обмыть тело, чтобы чинно водрузить на помост для покойника. Помощь была не нужна, потому что и при жизни-то хозяйка была худенькой, а по смерти ещё более иссохшей, так что Юула управилась со всем в одиночку. После обмывания тела она отправилась уведомить Юрку, так что покойница осталась хозяйничать и домовничать одна. Именно так и подумалось Юуле: хозяйничать и домовничать.

IV

Когда Юрка услышал, что старуха умерла, он рассказал об этом Антсу. Тот был человеком находчивым, дал Юрке досок и гвоздей, пилу и рубанок в придачу, чтобы тот своими руками сколотил старухе «деревянный тулуп»²⁸. Таким манером Юрка и Юула отправились домой вдвоём – мужик впереди со своей ношей, женщина за ним следом. И всё бы славно сложилось, если бы не приключилась неожиданная беда. Потому что, когда Юрка пришёл сообщить пастору о смерти своей жены, чтобы позвонили по ней в колокол и всё такое, тот достал одну за другой толстые книги и искал в них, повторяя про себя одно и то же:

«Нет, ничего нет».

«Я же гроб ей сколотил, как же нет?!» – перебил, наконец, его Юрка.

«Да, чадо возлюбленное, гроб есть, а души нет», – сказал пастор.

Юрка опустил на стул и устался в пол. Пастор никак не мог взять в толк – в чём дело, чем так удручён мужик. Он добавил, разясняя:

«Ни тебя самого, ни твоей жены нет».

«Я же здесь», – сказал Юрка и поднялся со стула.

«Сам ты здесь, а души нет», – усмехнулся пастор.

«Где же моя душа?» – поражённо спросил Юрка.

«Где-то в ином месте, в другом подушном списке²⁹. Но, чадо возлюбленное, кто ты, собственно, будешь? Я не припомню, чтобы видел тебя раньше».

«Я несколько раз заходил в церковь».

«Чадо возлюбленное, а как у тебя обстоит с причастием?»

Нет, там Юрка ещё не был.

«Чадо возлюбленное, откуда ты?»

«Из Чёртовой Дыры».

«Ах, та-ак!» – протянул пастор. «Так-так! Теперь я начинаю понимать!» Но Юрка ничего не понимал. Непонимающим взглядом он уставился на пастора. «Прежнего хозяина Ванасапаном прозывали. А тебя как?» – усмехаясь, продолжил пастор.

«Того прозывали, а я – он самый и есть», – ответил Юрка.

«Ах, так ты, чадо возлюбленное, и есть тот самый настоящий Ванасапан?»

«Я и есть тот самый настоящий», – подтвердил Юрка.

Пастор рассмеялся и смеялся от всей души, но только Юрка не мог взять в толк, над чем тот смеётся. Тем не менее, из приличия он попробовал посмеяться вместе. Но когда пастор услышал его грохочущий как из бочки голос, то уставился на него с самым серьёзным видом, словно и впрямь узрел пред собой живого Ванасапана.

«Если ты действительно Ванасапан, то зачем ты пришёл на землю?» – спросил пастор, когда немного рассмотрел Юрку.

«Божья воля».

«Ага! Зачем же?»

«Чтобы обрести спасение».

«Если ты желаешь обрести спасение, чадо возлюбленное, то не должен верить в то, что ты Ванасапан».

---

²⁸ Деревянный тулуп – здесь: гроб.

²⁹ Подушный список, ревизская сказка (эст. *hingekiri*) – поимённые списки населения, в которых (за некоторыми исключениями) учитывались лица мужского и женского пола. Документы эти отражали результаты проведения подушных переписей (ревизий) податного населения Российской империи в XVIII – 1-й половине XIX веков, проводившихся с целью налогообложения.

«Но я же и есть он».

«Ванапагану не обрести спасение, чадо возлюбленное».

«А если вочеловечится?»

«Если вочеловечится, то и верить должен в то, что он человек».

«Но если я и есть Ванапаган...»

«Ты должен поверить в невозможное, тогда и обретёшь спасение».

«Я верю, что обрету, а иначе не попасть людям в ад».

Из этого пастор не понял ни черта, а потому с любопытством спросил:

«Как так, чадо возлюбленное?»

«Пётр сказал».

«Что этот Пётр сказал?»

«Пётр сказал: грешен человек, не хочет стать праведным, и не может им стать, настолько он грешен – хочет, но не может, а быть может и не хочет. Силы небесные пожелали узнать – хочет или не хочет, может или не может. Оттого сказал мне Пётр, когда я пришёл за душами: больше не получишь. Если хочешь ещё получить, сойди в образе человека на землю и попытайся, сможешь ли ты обрести спасение. Если сможешь, тогда и человек может, а только не хочет. А если не сможешь, тогда и человек не может, хотя и хочет. И если он может, но не хочет, то отправим мы его к тебе в лапы в самое Пекло. Но если он не может, а хочет, то дорога ему в Царствие Небесное. И ты больше душ ни вот столечко не получишь. Таков Пётр. И тогда пришёл я на землю, чтобы обрести спасение».

От рассуждений Юрки пастор надолго онемел. Наконец, он сказал:

«Но, чадо возлюбленное, что будет тогда с искуплением³⁰?»

«Пётр сказал – это боле не в счёт».

Пастор опустил на стул. Ему, тому, кто верил, что юродство есть якорь благодати, нравилось в своё время посещать больницы душевнобольных. И там он встречал людей, считавших себя кто Сыном Божиим, кто китайским императором, стогом сена, курицей-наседкой, мусорным ящиком, ветром или ничем. Но Ванапагана он не встречал доселе ни в сумасшедшем доме, ни на воле. Лютер и прочие отцы церкви были счастливее его, они стояли с Лукавым лицом к лицу. Но теперь и у него самого настал этот торжественный момент: перед ним сидел живой Ванапаган. Лишь об одном жалел пастор: почему в мире – ни у него самого, ни у других – не было этой глубокой, незыблемой веры, что позволяла бы принимать вещи такими, какими они представляются для наших чувств. Почему всегда и везде гложет нашу грудь червь сомнения, так что мы вынуждены непрерывно и неумолимо всё тщательно взвешивать! Почему не может он принять этого здоровяка за настоящего Ванапагана, а считает его лишь кандидатом в сумасшедший дом! В какое жалкое ничтожество превратились мир и человек! Да и в нём сейчас не было иного переживания перед живым Ванапаганом, кроме некоего опасения – что будет, если на сидящего напротив мужика накатит приступ ярости. Но, слава Богу, между ними стоял письменный стол с книгами, а за его спиной, в паре шагов, дверь. Поэтому он сказал Юрке довольно спокойно, хотя сердце в груди слегка трепетало:

«Как же ты думаешь обрести спасение, если искупление больше не в счёт? Мы, люди, надеемся лишь на искупление».

«И погибнете, сказал Пётр».

«Чтобы именно Пётр да такое сказанул», – туманно изрёк пастор, потому как боялся разозлить Юрку логичными, уверенными и прекословящими ответами. Но эта осмотритель-

---

³⁰ В христианстве искупление (грехов) является одним из основных догматов, богословской концепцией выкупа павшего человечества из-под власти греха. Является объективным аспектом Спасения. Иисус Христос в Евангелиях упоминает об искуплении как о цели Своей миссии: «Сын человеческий не для того пришёл, чтобы Ему служили, а чтобы служить и отдать Свою жизнь как выкуп за множество жизней». [Евангелие от Матфея 20:28]

ность была совершенно беспочвенна – судя по всему, Юрка был миролюбив и безопасен, его чувства ничто не тревожило.

«С другими силами небесными мне в этот раз в Небесной канцелярии встретиться не удалось», – совсем буднично произнёс он.

«Где была эта небесная канцелярия?» – спросил пастор как можно непринуждённое.

«Разве господин пастор не знает, где небесная канцелярия?» – спросил в ответ Юрка.

Из сего ответа пастор заключил, что с Юркой бессмысленно разбирать дела веры, поэтому сказал:

«Эти объяснения увели бы нас слишком далеко. Вернёмся лучше к нашему делу. Ты сказал, что хочешь похоронить свою жену. Однако ни тебя самого, ни усопшей нет в моей ревизской сказке. Откуда ты родом?»

Юрка сказал, откуда, и даже показал пастору какое-то удостоверение личности, из которого тот сделал для себя пометки. Таким образом, всё оказалось в порядке, и Юрка мог предать свою старуху земле. Но прежде, чем он ступил за порог, пастор подошёл к нему, положил ему на плечо руку и сказал:

«Чадю возлюбленное! Это очень хорошо, что ты рассказал мне, кто ты есть, но не рассказывай об этом каждому, потому как люди не верят, что им говорят, они поднимут тебя на смех. Это вещи духовные, а так как я духовный пастырь, то я их понимаю. Но в искупление ты всё-таки должен поверить, если желаешь обрести спасение. Теперь ступай с миром, поскольку жена твоя ждёт тебя в своём гробу».

Юрка вышел в дверь. Ему стало жаль пастора и досадно за его последние слова, поскольку ими тот обнажил свою неискущённость и неразумие. Рассуждает о вещах духовных, когда перед ним наяву стоит Юрка, сам Ваннапаган во плоти! А как ничтожно мало он знает о его старухе! Жена ждёт! Юрка мог бы расхохотаться над неискущённостью пастора во всё горло. Лишь в одном он был согласен с пастором: не стоит рассказывать о своих делах людям – они так и так не поверят. Даже пастор не поверил, Юрка это знал.

А вообще-то, теперь дело было в шляпе и хозяйку Чёртовой Дыры похоронили, как подбаёт – и в колокол позвонили, и всё такое. Единственным изъяном во всей церемонии было то, что гроб был заколочен гвоздями, так что ни один посторонний не увидел, какое лицо было у покойной после смерти. Юула обосновала это тем, что покойница якобы подурнела, поэтому Юрка не хочет её показывать. Это взволновало умы ещё больше: захотели непременно увидеть, насколько подурнела старуха из Чёртовой Дыры после смерти. Но Юрка оставался твёрд: крышка гроба была раз и навсегда приколочена длинными гвоздями, так закрытой и осталась.

Но вскоре после похорон повсюду заговорили, что Лизете умерла не своей смертью. Особенно усилились слухи, когда Юула родила двойняшек: она, должно быть, и есть та, что угробила старую хозяйку, чтобы занять её место. Юрка же либо ничего не знал, либо помог сокрыть преступление. Потому-то и крышку гроба приколотили раньше времени. Теперь припомнили и сгоревший сенник, и странную гибель батрака, и захотели узнать, что вообще творится у этого нового Ваннапагана в Чёртовой Дыре. Подозрения стали столь очевидными, что, наконец, вмешалась полиция: могилу хозяйки Чёртовой Дыры заново вскрыли. И теперь выяснилось, что тела в гробу не было, лишь камни да земля. Юрку и Юулу взяли в оборот: как они это объяснят? Но они вообще ничего не объясняли, лишь уставились друг на друга.

«Кто положил в гроб землю и камни?» – спросили их.

«Я», – ответил Юрка.

«Зачем?»

«Покойницы не было».

«Куда же она подевалась?»

«Не знаю».

«Так твоя жена умерла или нет?»

«Вроде бы так».

«Ты видел её мёртвой?»

«Пожалуй, нет».

«Кто же видел?»

«Юула».

Тогда взялись за неё и узнали, что хозяйка действительно была мертва и что она обмывала её.

«Что за болезнь у неё была?» – спросили.

«Испуг либо рожа».

«Что так?»

«Взбеленилась».

«Отчего же она так взбеленилась?»

«Что я должна родить от Юрки ребёночка, и что я сказала – авось двойняшки народятся.

И, глянь, народились».

«От этого и умерла?»

«Не от этого».

«От чего же?»

«Что днями напролёт хворала, не ела и не пила – ни всухомятку, ни с водой»

«Может, ты не давала?»

«Почему ж я не давала, предлагала каждый день».

Юрка также заверил, что и он предлагал жене еду и питьё, но та ни капельки, ни крошечки не принимала.

«Так что умерла, выходит, с голоду?»

«Вроде бы так», – признал Юрка.

«Но куда ж она мёртвая подевалась?»

«Я обмыла её, положила на лавку и отправилась рассказать Юрке», – поясняла Юула, – «а когда пришли обратно, – у хозяина доски для домовины на спине, в кармане гвозди, – покойница сбежала».

«Где она у вас оставалась?»

«В комнате».

«Когда вы вернулись в комнату, дверь была закрыта?»

«Полуоткрыта», – в один голос заверили Юрка и Юула.

«Вы дверь на замок не заперли, когда из дома уходили?»

«У нас на двери и замка нет, лишь засов деревянный».

«А дверь на засов запирали, когда уходили?»

«Наверно всё же запирала», – сказала Юула, но для уточнения сразу добавила: «А может, и нет, потому как по дороге я подумала: покойница осталась в доме за хозяйку».

«Что сие значит?»

«Ну, что кто же туда пойдёт, если покойница в доме. А чтобы ей было лучше, я и оставила дверь нараспашку, ведь покойники любят прохладу».

«Так что?..»

«Так что я не знаю, что сказать».

«Но что же вы подумали, когда, придя домой, не нашли покойную? У вас не возникло никаких подозрений?»

«Нет», – ответил Юрка.

«Как нет?» – изумились.

«Хозяин сразу сказал: эта прямиком в ад отправилась», – растолковала Юула.

«Так оно и было», – дополнил Юрка со своей стороны. «Моя старуха не хотела ложиться в землю, боялась – отправят потом оттуда в рай. Поэтому всегда обещалась напрямиком в ад сойти. Ну, теперь и сошла, а как же иначе».

«А почему вы сразу не донесли об этом в полицию?»

«Побоялись», – ответил Юрка.

«Чего побоялись?»

«Что подумают незнамо чего да начнут досаждают, не поверят».

«Ты сам-то веришь, что твоя старуха отправилась напрямиком в ад?»

«Вроде бы так».

«Встала со смертного одра, да и пошла, так?» – подивились.

«Почему нет. И пастор в церкви сказал, что мертвые восстанут из могил, так почему бы моей старухе не суметь восстать, если она померла. А она всяко померла, иначе бы Юула её ни в жизнь мыть не стала».

«Я обмыла её собственными руками», – заверила Юула.

«Тогда она непременно померла, иначе бы не позволила себя мыть», – заверил и Юрка.

«Ещё ведь не было Судного дня, чтобы мёртвые восставали из могил», – попытались возразить Юрке.

«Для моей старухи авось был», – сказал тот.

Так, с одной стороны, стало ясно, что с Юркой спорить бессмысленно. А с другой стороны, Юрка понял, что чиновники ничего не знают и ничего не понимают. Расскажи он им, кем была его старуха, и кто он сам такой, зачем явился в Чёртову Дыру, – даже это было бы бесполезно. Быть может, когда-нибудь он и откроет им глаза, но не сегодня, так как видит, что они ему не верят.

«Быть может, перед домом были видны следы зверя, когда вы пришли домой?» – спросили напоследок.

«Какого зверя?» – спросил в ответ Юрка.

«Всё равно, какого зверя. Были вообще следы?»

«Когда добрались домой, было темно», – пояснила Юула. «Ночью выпал снег и выла вьюга, утром и от наших-то следов ничего не осталось».

«Так что вечером вы следов перед домом не видели?»

«Нет», – ответил Юрка.

«Я же сказала, что было темно», – пояснила Юула.

«Но если ты подумал, что старуха отправилась напрямиком в ад, то мог бы пройти по её следам», – сказали Юрке.

«По дороге в ад следов нет», – ответил Юрка.

«Почему ты так думаешь?»

«Иначе бы ад давно отыскали».

С этим были все согласны: нет по дороге в ад следов, ступай хоть напрямиком, хоть через могилу. Даже если бы отправился прежде через рай, всё одно отсутствуют следы. Поэтому на сей раз расследование закончили. Вопрос был ещё в том, брать Юрку и Юулу под стражу или нет. Наконец, решили оставить их на свободе, поскольку полученные в отношении них от Антса и других людей сведения позволяли полагать, что хотя у дела и есть привкус преступления, однако едва ли кто-то из этих двоих совершил злодеяние. К тому же Юрка должен был отправиться к Антсу, а там могли за ним доглядеть, пока не прояснится вся эта история. И Юула со своими двумя малютками никуда в зимние холода из Чёртовой Дыры не денется. Другое дело, когда придёт весна со своими тёплыми дождями, свежей травой и прохладными ветерками. Но к тому времени всё, быть может, прояснится – снег выдаст свои секреты.

Озабоченность ещё вызывала раскопанная могила на кладбище. Что с ней делать? Опустить в неё обратно пустой гроб и потом закопать? Может, сделать это без гроба? Или оставить

могилу раскрытой до весны, когда дело, быть может, прояснится? Набожные люди полагали, что гроб следует снова опустить в могилу, а могилу закопать. Потому как над гробом уже, как положено, и в колокол позвонили, и Писание почитали – чего же ещё. Освящённый гроб годится лишь в освящённую землю, и никуда более. Но другие толковали, что если звон колокола и слово Господне освятили гроб, то они освятили и эту землю с камнями, что заменили труп – тогда землю с камнями следует оставить в гробу. Им возражали, что землю и камни нельзя оставлять в гробу, так как они были жульничеством. А его следует удалить из земли освящённой. Но теперь спросили: может ли жульничество ещё таковым считаться, если оно освящено? Ибо не только над гробом позвонили в колокол, но и над землёй с камнями, что в гробу. Здесь набожные люди не нашли уже единого ответа. А чтобы разрешить дело по справедливости, следовало почитать толстые книги и провести исследования. Но так как и в священных книгах мнения расходились, то всё разрешение вопроса отняло уйму времени.

Поэтому полиция решила: могилу оставить раскрытой, сверху сделать настил, чтобы кто нечаянно не свалился и не сломал себе шею или другие части тела; гроб вместе с землёй и камнями в качестве вещественного доказательства изъять в распоряжение органов власти.

Так, на сей раз, с делом было покончено. Но весной оно получило новый ход, потому что в лесу под Чёртовой Дырой нашли несколько костей – не на одном месте, а раскиданные. Кости собрали и передали знатоку для изучения – что это за кости, человека или зверя. И если человека, то мужчины или женщины, молодой или старой. Но у знатока возник, прежде всего, вопрос: какого временного периода эти кости, одного ли? И если разного, тогда – какие более раннего происхождения, а какие более позднего периода? И если они принадлежат разным временным периодам, тогда – каков между ними, приблизительно, временной промежуток? К этому хронологическому вопросу примыкал и немаловажный вопрос: если кости, все или частично, принадлежат зверю, тогда – какому? Принадлежат ли они вообще одному зверю? А если несколькими, то какие из них каким? Кроме того – самцу или самке, старой или молодой, и насколько, примерно, старой и молодой. Важным было бы также установить, провели кости всё это время под открытым небом или в известный временной промежуток были в земле, откуда, по неясным причинам, они снова явились на свет Божий? Лишь по разрешении этих и многих других, возникших в ходе исследовательской работы, попутных вопросов знатоки могли озвучить своё мнение в вышестоящих органах.

Юрка ничего не понимал в истории с костями, хотя он и Юула, с детьми на руках, ходили вместе с остальными в поисках этих самых костей. По мнению Юрки, было никак невозможно, чтобы Лизете, прежде чем отправиться в ад, раскидала свои кости по лесу. Как бы она тогда ушла без костей?

Знатоки сделали свою работу основательно, однако, как в этом случае часто бывает, результаты работы сильно разнились. По правде говоря, не было ни единого вопроса, по которому смогли прийти к одному и тому же мнению. Этому способствовало и то обстоятельство, что у каждого знатока была своя особенная тема, прежде всего его интересовавшая. К примеру: некто, кто нашёл, что кости настолько обглоданы, что трудно сказать в отношении них что-либо определённое, попытался выяснить, кто эти кости обглодал – медведь, волк или собака? Вдобавок: быть может, эти кости были обглоданы несколькими животными, и тогда кто глодал их первым, а кто последним? Другой знаток, видевший все мировые проблемы в рациональном разрешении продовольственного вопроса, попытался выяснить происхождение костей тем, что силился установить, что за пищу преимущественно употреблял владелец костей. Результатом долгих диспутов и дискуссий знатоков стало итоговое решение, которое не согласовывалось ни с одним из разрозненных мнений, находясь с каждым из них в явном противоречии. Один из знатоков остался по всем вопросам при своём особом мнении. Так, в вышестоящие органы представили результат работы, на основе которого там вынесли резолюцию, что найденные кости действительно принадлежат человеку, бывшему приблизительно средних лет. Здесь же

добавили: хотя не установлено, мужские или женские найденные кости, но всё же, с учётом обстоятельств, следует сделать вывод, что они могут принадлежать исключительно женщине.

Так один из вопросов был разрешён: кости хозяйки Чёртовой Дыры были найдены, и их можно было положить в гроб вместо камней и земли. Гроб опустить в могилу, а могилу закопать. При этом у набожных людей возник вопрос: следует ли вновь позвонить над костями в колокол, вновь прочесть «Ибо прах ты и в прах возвратишься...»³¹ и прочие слова? Не достаточно ли того, что их положат в гроб, освящённый уже колокольным звоном и словом Господним? Но Юрка, по совету Юулы, быстро решил этот вопрос: он дал вновь позвонить в колокола, почитать Писание и отпеть, хотя был убеждён, что найденные кости не принадлежат Лизете. Сделал он это для того, чтобы, наконец, покончить с этим делом.

Положение вышестоящих органов было сложнее. Хотя вопрос о принадлежности костей и был разрешён, но требовал решения и второй вопрос: каким образом пропала умершая хозяйка Чёртовой Дыры, и как её кости очутились в лесу? Дело было во многом подозрительным, но и в нём были признаки, что допускали предположить самую обыкновенную невинность. Потому что, действительно, разве можно считать вероятным, что беременная двойней, как Юула, женщина за пару недель до родов начала бы чинить насилие в отношении другой женщины, в чьей помощи она бы вскоре так крайне нуждалась? А после этого отправиться за мужчиной, – спокойно, как все уверяют, – и дать ему взвалить на спину гробовые доски и тащить их несколько километров, чтобы показать, что тела нет? Невероятно! Само собой, если только с самого начала они с мужчиной не были в сговоре. Тогда это было бы совсем другое дело, но об этом данных нет. Поэтому было единственно верным – дело закрыть.

---

³¹ «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься». [Бытие 3:19]

V

В то время как Юрка и Юула были заняты тем, что Лизете после смерти отправилась прямиком в ад, явилась новая беда. Юрка как раз захотел записать своих первых двойняшек в ревизскую сказку, и вновь отправился для этого к пастору. Он не желал, чтобы с ними в один прекрасный день приключилось то же, что и с самим Юркой – приходишь к пастору, стоишь перед ним живой на своих двоих, а тебе говорят, что тебя нет, в подушном списке нет. Юрка хотел, чтобы его дети были в подушном списке, чтобы он знал – у них есть душа. На это последнее Юрка делал особый упор, так как хотел обрести спасение и надеялся, что и дети его обретут спасение, если у них есть душа.

«А-а! Ваннапаган из Чёртовой Дыры!» – крикнул пастор Юрке ещё прежде, чем тот успел поздороваться. «Теперь уж я тебя знаю. Ты как раз вовремя пришёл, у меня к тебе дело».

«Нет, это у меня дело к господину пастору», – сказал Юрка. Но пастор словно и не слышал его слов, а продолжал:

«Хотел уже за тобою послать, а ты идёшь как званый. Послушай, что, собственно, с твоими подушными списками? Я имею в виду, с твоим и подушным списком твоей покойной жены. В первый раз ты мне сказал, откуда вы с женой родом, но когда я запросил оттуда выписку³², мне ответили, что ни тебя, ни твоей покойной жены в их подушном списке нет».

«Моя старуха ведь померла», – сказал Юрка, лишь бы что-то сказать.

«Что с того, что померла. Но в подушном списке она, тем не менее, могла бы быть – ведь душа не умирает, она вечна. Ну, хорошо, как бы там с твоей покойной женой ни было, оставим мертвецов, как ты желаешь, в покое, ибо подушный список мёртвых ведётся на небесах...»

«Подушный список душ ведётся в небесной канцелярии», – перебил пастора Юрка.

«Совершенно верно: подушный список душ ведётся в небесной канцелярии», – согласно повторил пастор. «Но как быть с твоим подушным списком, ты ведь ещё живой? Твой подушный список должен быть на земле, ибо ты сам ещё здесь».

«Я здесь, и у меня есть детишки, так что...» – молвил Юрка, чтобы немножко повернуть разговор и в своё русло. Но вместо этого пастор сказал:

«Не покажешь ли ещё разок своё удостоверение личности. Оно у тебя с собой?».

«С собой, должно быть», – произнёс Юрка, закопотившись в кармане, и когда нашёл искомое, отдал его пастору. Тот внимательно рассмотрел бумагу, а затем сказал:

«Да, всё будто бы в порядке – печати и подписи есть. Но мне, тем не менее, ответили, что тебя нет».

«Почему же меня нет, когда я есть», – возразил Юрка.

«Не знаю я, почему тебя нет», – произнёс пастор, про себя рассуждая: «Кто-то здесь, должно быть, заблуждается, но кто – поди-ка разберись». И чтобы вникнуть в дело, он спросил у Юрки: «Кто дал тебе это удостоверение?»

«Пётр», – недолго думая, ответил Юрка.

«Какой Пётр?» – оторопело спросил пастор.

«Каковский... Тот, что врата от рая стережёт», – с прежней уверенностью пояснил Юрка.

«Ах, вот оно что. Опять мы топчемся возле рая и ада, как и в прошлый раз», – толковал про себя пастор. «Он всё ещё Ваннапаган». И серьёзно и безучастно, будто речь зашла о вещах совершенно обыденных, он спросил:

«Пётр лично, я имею в виду, собственными руками отдал это удостоверение тебе?»

---

³² Выписка – здесь: приходское свидетельство – выписка из персональной книги прихожан. Выдавалась священником членам общины, которые её покидали. Являлась своего рода церковным паспортом, где фиксировались основные биографические данные, принадлежность к церкви и все принятые им церковные таинства – крещение, конфирмация, брак, причастие и пр.

«Нет», – ответил Юрка.

«Но как же?»

«Ангел принёс».

«Почему он не отдал тебе лично, если ты к нему ходил?»

«Они тогда ведь не были уверены, пойду ли я на землю».

«Почему же не были уверены?»

«Я хотел сперва со старухой обмозговать, стоит ли вочеловечиться, чтобы спасение обрести».

«Ну, и жена посчитала, что стоит?»

«Вроде бы так».

«И вот тогда-то Пётр тебе удостоверение и прислал?»

«Да, тогда».

«А что у тебя за ужасная история приключилась с этими похоронами жены, как до меня доходят слухи?»

«Почему ужасная?»

«Старухи-то в гробу не оказалось».

«Как же ей там быть, когда она напрямиком в ад отправилась, только никто этому не верит».

«Да, ослабла в людях вера!» – вздохнул пастор. «Горя, чадо возлюбленное, и ты с этим удостоверением не оберёшься, ибо и ему никто больше не поверит. Скажут – подделка».

«Как так подделка?!» – вскричал Юрка. «Пётр сам прислал».

«Но подпись Петра отсутствует, вот в чём беда. Сам-то разве не видел?»

«Нет».

«Так иди, взгляни – нет подписи Петра».

«Я буквы не знаю».

«Очень жаль, что ты не умеешь читать. Иначе мог бы своими глазами увидеть, что удостоверение это не внушает доверия. Ты говоришь, что получил его от Петра, но имени Петра внизу нет. Вместо этого печать какой-то волостной управы и подпись волостного старосты. Да и те такие липовые да неразборчивые, что трудно понять, что это на самом деле».

«Поддельное удостоверение», – задумчиво бормотал Юрка. «Пётр – поддельватель документов».

«Судя по этому удостоверению, дело, кажется, обстоит именно так».

«И ангелы небесные обманывают», – рассуждал Юрка дальше.

«Не уверен, кто тебя обманул – Пётр или ангел, что вручил тебе в руки удостоверение», – толковал пастор, пытаясь вывести из душевного смятения Юрку, который, со своей стороны, разъяснял:

«Пётр своими собственными устами сказал мне: если желаешь родиться на земле, то удостоверение личности тебе не нужно, ибо от новорождённых не требуют удостоверения личности, где написано – кто он есть или откуда явился. Но если сойдёшь, не рождаясь, сказал он, тогда должно быть удостоверение – и всё. Ну, сказал я, давай удостоверение, и сойду, не рождаясь. Оно и надёжнее, сказал Пётр, ибо времена таковы, что жёны хоть и беременны, да разрешиться от бремени не могут. А хотя бы и могут, то раньше срока, так что и тебя могут раньше срока сбросить. И придётся тебе начинать всё сначала. Может и так случиться, сказал Пётр, что ты и не успеешь родиться в срок, ибо прежде этого исчезнет род людской с земли».

«Да, чадо возлюбленное, злые времена», – согласился пастор.

«Если бы я всё-таки попробовал родиться от женщины», – с сожалением вздохнул Юрка, – «то было бы у меня теперь настоящее удостоверение на руках! Ах, Пётр, Пётр!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.